

Своя

март 2016

журнал
Никиты Михалкова

ПРОЩАНИЕ С МАРЕНОЙ

Масленица языческая
и православная

Б. КУСТОДИЕВ. «МАСЛЕНИЦА». 1920

**Порвалась
цепь великая**

Реформа 1861 года:
плюсы и минусы

Эго как иго

Ссылка народов —
репрессии или
вынужденная мера?

**Мир, который
построил Роу**

Секреты главного
сказочника

Стоило русскому человеку хоть немного подышать воздухом Европы, и у него начинала кружиться голова. Он истолковывал по-своему все, что ему приходилось видеть и слышать об успехах западной культуры. Ему говорили о железных дорогах, земледельческих машинах, школах, самоуправлении, а в его фантазии рисовались чудеса: всеобщее счастье, безграничная свобода, рай, крылья и т.д. И чем несбыточней были его грезы, тем охотнее он принимал их за действительность. Как разочаровался западник Герцен в Европе, когда ему пришлось много лет подряд прожить за границей! И ведь он, несмотря на всю остроту своего ума, нисколько не подозревал, что Европа менее всего повинна в его разочаровании. Европа давным-давно забыла о чудесах: она дальше идеалов не шла; это у нас в России до сих пор продолжают смешивать чудеса с идеалами, как будто бы эти два ничего общего меж собой не имеющие понятия, были совершенно однозначными.

Лев Шестов (1866–1938)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя Спасение любовью	26–27	Книжная палата
3–7	Русь изначальная Прощание с Мареной	28–31	Живая история Эго как иго
8–11	Философ о философе Мыслью — значит верую Лев Шестов и его борьба с самоочевидностями	32–35	Наш Крым Число Тавриды: 175 Кто такие крымчаки и караимы
12–14	Ретроспектива Порвалась цепь великая	36–39	Служу России Шесть «Знамен» разведчика Короткова
15–17	Культурная эволюция Достояние империи Большой театр: от «воксала» до вечности	40–43	Хранить вечно Слышим мы голос родной Вспоминаем Клавдию Шульженко
18–21	Русский гений Демоном поверженный Озарения и сумерки Михаила Врубеля	44–47	Стоп-кадр Мир, который построил Роу
22–25	Родное слово Пессимистическая комедия 135 лет назад родился Аркадий Аверченко	48	Трапезная Ни о чем не грустим, дружно хворостом хрустим

Главный редактор Елена Ямпольская, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

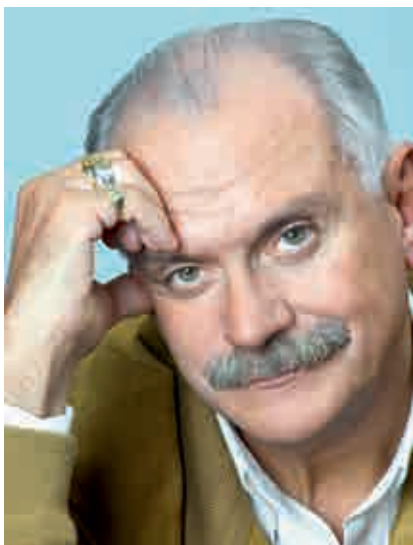
Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии Ab Scanweb Oy, www.scanweb.fi

Тираж 35 000

Подписано в печать 16 февраля 2016 г.

Спасение любовью

Недавно мне довелось выступать с лекцией в стенах Госдумы. Мероприятие проходило в рамках Года российского кино и представляло собой, скорее, не лекцию как таковую, а нечто вроде дружеской конференции. Говорили о кинематографе в частности и национальной культуре вообще, обращались к идеологической тематике, рассуждали о патриотизме. Что мне показалось важным, чтобы не сказать знаменательным — с аудиторией, большинство которой составляла студенческая молодежь, мы отменно понимали друг друга. Многие прозвучавшие вопросы относятся к разряду риторических, и не могу сказать, что эта риторика мне не близка. Глубина и ясность понимания наших основных проблем совсем еще юными людьми впечатляет.

Разговор в Госдуме не обошел стороной и феномен «очереди на Серова» (это ли не ярчайшая манифестация того, что мы называем просвещенным консерватизмом?), который не только был отражен в СМИ как мощная сенсация, но и породил в российской политически активной среде ожесточенную дискуссию. Казалось бы, о чем здесь спорить-то? Оказывается, есть о чем. Квинтэссенцию взглядов противоположной стороны продемонстрировала в «Фейсбуке» известная либеральная журналистка. Она заявила примерно следующее: всякая очередь — ужасное зло, а если и существуют из этого правила исключения, то они относятся не к выставке великого художника, а к тому «прекрасному времени», когда россияне стояли за гамбургерами в «Макдоналдс». В «очереди за свободой», как она выразилась...

Самое примечательное в подобных заявлениях не то, что они вызываются глупы, а то, что эта глупость, дичь видна сегодня практически всем. Значит, мы с вами на правильном пути. И огромные очереди на Серова в январскую стужу, и то, что мгновенно раскупили нынешней зимой абонементы в Московскую филармонию — вернейшие признаки того, что русские ищут способ самосохранения не столько в экономике (которую мы как-нибудь, с Божьей помощью все-таки исправим), сколько в таких вещах, которые к бюджету и карману прямого отношения не имеют.

В зале Госдумы я говорил о духовной силе нашего народа, о его природной тяге к подлинному и непреходящему, о нашем вечном стремлении к самопознанию, национальному самоопределению. Вспрашиваемся ли в добрые, умные лица на серовских портретах или погружаемся в мир левитановского шедевра «Над вечным покоем» — видим там в первую очередь не то, как технично, виртуозно мастера работали кистью, а то, что они и мы суть единое целое.

Мы объединены принадлежностью к великой нации, тождеством взглядов на нашу великую историю, любовью к своей стране. Кстати, о любви. Нас, будто магнитом, притягивает к этим произведениям искусства именно запечатленная в них светлая любовь — непреходящий источник и попутчик творческого вдохновения любого крупного художника.

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of several fluid, connected loops and strokes.

Прощание с Мареной

О древних традициях и датировках Масленицы у нас спорят по сей день. Это связано и с недостатком объективных, верифицируемых данных, связанных с преданиями старины глубокой, и с известной календарной путаницей («старый стиль», «новый стиль» и т.д.), и с религиозно-историческими соображениями, которые хронологически поделили Русь на дохристианскую и православную. Между тем современные празднования, приходящиеся в разные годы то на последние дни февраля, то на начало марта, несут в себе, скорее, некие синтетические признаки, равно указывающие и на языческое прошлое, и на торжество христианства в нашей державе.

Русь изначальная

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Валерий Шамбаров

ВЭТОТ праздник древние славяне (как, впрочем, и мы теперь) прощались с зимой, торжественно и радостно сжигали ее чучело. Зима ассоциировалась с богиней смерти Мареной (или Мораной). Господство той заканчивалось — особенно явственно это проявлялось в момент равноденствия, — и уходила Зима-Марена в свое потустороннее царство. Природа тем временем понемногу оживала, готовясь к грядущему лету.

То, что мы понимаем под словом «год», так и называлось когда-то — «лето». Новый год именовали «новолетием», и праздновали его наши далекие предки в начале весны. В эти же дни поминали мертвых. Считалось, что ворота страны смерти открываются, пропуская свою богиню, и можно пообщаться с покойными родичами, передать им привет. Однако праздник был не траурным, а ликующим. После весеннего равноденствия дни становились длиннее ночей. В представлении язычников это отражало битву сил света с силами тьмы, завершавшуюся благоприятным для людей исходом. В честь столь важного сверхъестественного сражения устраивались кулачные, «стеночные» бои, штурмы снежных крепостей. Победить в подобных состязаниях было весьма почетно — те, кто выиграл, как бы присоединялись к светлым божествам, становились с ними в один строй.

Некоторые обычаи диктовались и чисто рациональными соображениями. Например, мясную пищу в этот период не употребляли: скотина отошала за зиму, и забивать ее означало бы вопиющую бесхозяйственность. Но еще хватало молочных продуктов, зерна,

меда. Можно было наварить пива. Словом, оставалась возможность как следует попраздновать. Позже таких условий не представится — весна подберет все запасы, придется подтягивать пояса и ждать нового урожая. Да и не больно-то разгуляешься, ведь начнутся напряженные сельскохозяйственные работы.

Новый год был преимущественно родовым праздником. Встречались в семейном кругу, ходили в гости — «к теще на блины», к другим близким. Блины же служили главным угощением языческого новолетия. С одной стороны, это традиционное поминальное блюдо. С другой — блин символизировал небесное светило. Люди славили весеннее солнышко, старались магически усилить его благотворное влияние — приумножая количество «образов» с каждым выпеченным из теста диском. Впрочем, и

участники празднеств заправлялись солнечной энергией, улетая блины.

Магическими обрядами для «подпитки» весны, единения с ней являлись и разжигание костров, прыжки через огонь, «раскручивание» солнца хороводами. Пели ритуальные песни, будили силы плодородия, чтобы выдался хороший урожай, плодился скот, умножалась дичь в лесах, рыба в реках и озерах. Да и люди числом прирастали... На веселых новогодних празднествах проходили смотрины невест.

Очень популярными были катания со снежных горок, на качелях, на конских упряжках — непременно с ветерком. Смысл подобных обычаев был примерно аналогичным: ускорить силы природы, помочь им разогнаться. И при этом самим слиться с буйными духами весны. Отсюда, к примеру, возникло поверье: промчатся на ло-

шадях во всю прыть обязательно нужно молодоженам.

Зимой князья и их наместники объезжали свои владения, собирали подати. Теперь можно было оценить оставшиеся излишки, что-то продать или обменять на другие нужные товары. В городах и больших селениях собирались ярмарки, приезжали купцы. Веселили народ ряженые, резвились скоморохи.

В X веке на Русь пришло христианство, хотя и далеко не сразу. Крещение растянулось на целое столетие. Это обеспечило прочность веры. Более того, в отличие от католических государств, у нас не ломали прежнюю культуру. Православие органично и гармонично срасталось с национальными традициями. Например, Новый год вплоть до XIV века встречали не 1 сентября, как было принято по церковному календарю, а по-старому, ранней весной.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

Кое-что, правда, пришлось подправлять. Ведь в весенние месяцы следует блюсти одну из важнейших духовных традиций — Великий пост. Застолья и гулянья в сей период были бы совершенно неуместны. Причем границы поста — не постоянные, меняются в зависимости от даты Пасхи. Поэтому праздник новолетия отмечали перед тем, как начать поститься.

Так появилась современная Масленица — Сырная, она же Мясопустная неделя, Блинная, Объедуха. Русские князья и священники, внедряя христианство среди вчерашних язычников, подошли к прежним обычаям деликатно и мудро. Искореняли только те из них, которые противоречили устоям православия. Рушили капища, запрещали жертвоприношения идолам, блудные игрища. Но если желаешь покушать блинов — почему бы и нет? Хочешь зайти в гости к теще? Конечно же, церковь не станет в том препятствовать. Молодежь порезвится, покидается снежками, покатается с ледяной горки, щедрый муж побалуует супругу, промчит с ней на лихой тройке с бубенцами — что во всем этом плохого?

Боролись только с некоторыми «пережитками». Скажем, церковь всегда выступала против кулачных боев. Периодически такие запреты подкреплялись указами и распоряжениями государственных властей. Поскольку добры молодцы в азарте расходились, бились в полную силу, забывали о какой бы то ни было осторожности. В результате появлялись пострадавшие, покаленные, а порой и погибшие. Не приветствовалось и скоморошество: лицедейство считалось серьезным грехом. Запреты не особо помогали. Традиции оказывались слишком прочными. А священников на Руси избирал и содержал приход, их права и обязанности даже определялись соответствующим договором. Ссориться с пастырью для сельского или слободского батюшки было никак не с руки. На мелкие нарушения он предпочитал закрывать глаза.

Языческое содержание праздничных обрядов постепенно стиралось в памяти народной, улетучивалось. Забылось даже то, что сжигаемое чучело когда-то представляло собой Марену, богиню зимы и смерти. Его стали называть просто Масленицей. Место божества заняла абстрактная кукла. В общем, стародавние ритуалы растеряли свою мистическую суть, превратились в обычные забавы — безобидные, красивые и радостные, сохраняющие и закрепляющие неповторимый русский колорит, помогающие разнообразить жизнь, сделать ее чуть более насыщенной и яркой. Их сочетание и взаимодействие с православными традициями придало древним обрядам новое содержание. Христианское. Это оказалось даже полезным для церкви. Ведь Масленица, еще раз заметим, предшествует Великому посту. Причем первая неделя поста — самая строгая.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Чин омовения ног

А в первые два дня, по православному канонам, и вовсе полагается полное воздержание от еды. Накануне целесообразно было как следует наесться, набраться сил. И лучше всего тут подходит жирная пища — сыр, сметана, масло. От мясной люди уже отказываются, постепенно готовя себя к воздержанию. Ну а молодежь получает отличную возможность попеть, порезвиться, выбросить лишнюю энергию, накопившуюся за время зимнего сидения по домам.

Масленица помогает и правильному духовному (а равно философскому) настрою: ешь, пей, гуляй, веселись, пользуйся радостями земной жизни, но не забывай, что все это — на короткое время. Помни о главном, о вечном... Резкий переход от Масленицы к Великому посту позволяет особенно отчетливо осознать эту важнейшую истину. Рубеж пролегал через Прощеное воскресенье. Оно вроде бы еще относится к Масленичной неделе, однако настроения уже меняются. Люди доедают блюда, наготовленные на праздники, или отдают бедным, относят в храм для раздачи нуждающимся. Веселые песни больше не звучат, игры не устраиваются, ярмарки и

балаганы утихают. Перед постом русские считали необходимым сходить в баню — омыться от обычной земной грязи. И душевно старались очиститься — для этого всей семьей отправлялись в церковь.

Вечерняя служба в Прощеное воскресенье проходит по особому чину. Священник просит прощения у прихожан. Кается за собственные прегрешения, за все обиды и неприятности, которые вольно или невольно причинил людям. Ему принято отвечать: «Бог простит, и я прощаю». Нередко при этом добавляют: «И вы простите меня, грешного». Затем просят прощения друг у друга. Причем не только у людей, находящихся рядом в храме. На Руси считалось очень важным попросить в этот день прощения у всех близких, знакомых, слуг, подчиненных, начальников. Отвечают аналогично: «Бог простит, и я прощаю — и ты прости меня, грешного (или грешную)».

Этими словами верующий человек выражает искреннюю надежду: если ты попросил прощения, то Бог услышит тебя. И если ты действительно простил все зло, причиненное окружающими, то простятся и твои грехи. Если же,

напротив, продолжаешь держать для кого-нибудь камень за пазухой — твои грехи тоже вспомнятся. «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Матф., 7, 1-2).

То есть лучший способ заслужить прощение — прощать другим.

Вот так, во всех смыслах очистившись, отрешившись от недавних масленичных удовольствий, человек вступал в Великий пост — как бы в другой мир, где действуют иные законы и системы ценностей. Воздержание, смирение, долгие и особенно усердные церковные службы с покаянными канонами, многочисленными земными поклонами. Что ж, и это стало неотъемлемой частью русской жизни.

Многие люди старались отправиться в какой-либо монастырь: пожить там в течение поста, по крайней мере — первые недели, отойти от земных дел, молиться по строгому монастырскому уставу вместе с монахами. Так поступали и цари. К примеру, Иван Грозный в 1547 году как раз на Масленицу женился. Но поднялись они с Анастасией из-за свадебного стола и зашагали пешком, по снегу, в Троице-Сергиев монастырь. По некоторым данным, Петр I однажды провел Великий пост в Соловецком монастыре. В обители его духовным наставником был известный прозорливец. Царь молился вместе с ним, встретил Пасху, а в Великую субботу сам читал паремии в Преображенском храме.

Прославленный флотоводец, впоследствии причисленный к лику святых Федор Ушаков, выйдя в отставку, всегда приезжал в Великий пост в Санаксарский монастырь, жил там неделями.

В общем, сложились две стороны единой русской традиции: гулять — так от всей души, однако и к Господу всей душой стремиться.

Философ о философе

Мыслю — значит верую

Ксения Швед

Один из наиболее самобытных философов XX века Лев Шестов, со дня рождения которого исполнилось 150 лет, превыше всего в жизни ценил свободу. Она была ему необходима в творческих поисках главного и важного, сути и смысла. Шестов состоял в дружеских или приятельских отношениях практически со всеми известными мыслителями эпохи, но оставался при этом одиночкой, оригиналом, не следовал общепризнанным авторитетам и модным течениям, будь то марксизм или мистическое богоискательство.

ОН РОДИЛСЯ в Киеве 13 февраля 1866 года в семье богатого предпринимателя иудейского вероисповедания. Желая, чтобы сын пошел по его стопам, отец пытался увлечь наследника торговлей, а также пригласил учителя древнееврейского языка. Последний был необходим для изучения Торы. Лев очень быстро забыл язык предков, остался равнодушен и к юриспруденции, и к коммерции.

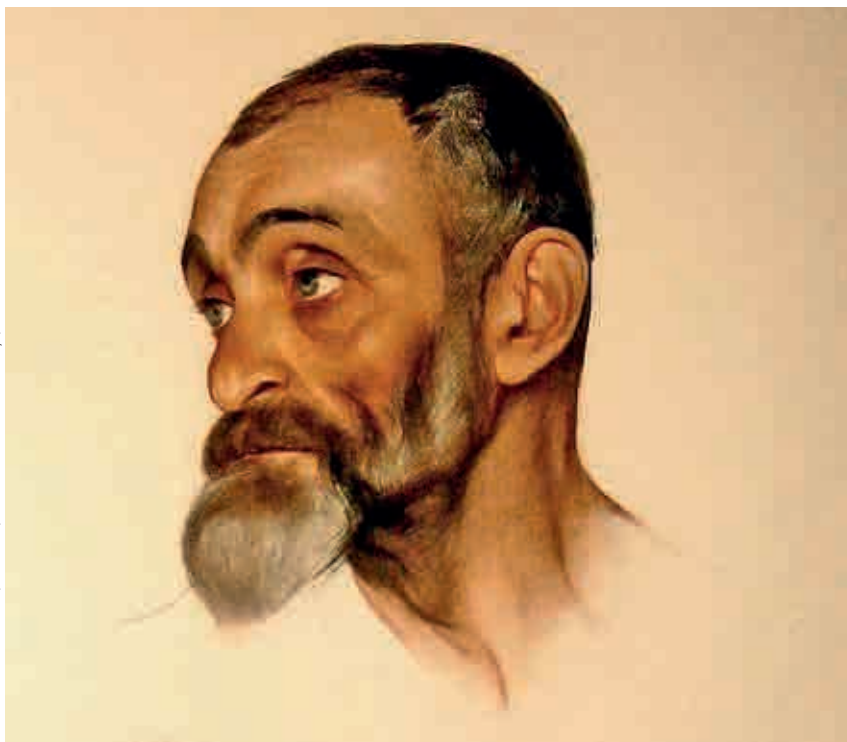
По окончании университета получил диплом кандидата права. Написал большое исследование «Фабричное законодательство в России» — на соискание степени доктора наук. Согласно университетским требованиям необходимо было опубликовать этот труд. Однако публикацию запретили бдительные цензоры, усмотрев в монографии марксистские мотивы

и придя к удивительному выводу: если ее напечатать в России, это приведет к революции.

Шестов в итоге обратился к тому, что его по-настоящему с детства влекло — к литературе и философии. В доме, где он рос, собирались талантливые люди — своеобразный салон. Там царил атмосфера свободы и артистизма, интеллектуального поиска и ярких впечатлений. Лев был одарен музыкально, мечтал о карьере певца, писал стихи, читал их на разных европейских языках. Но ничто не могло пленить его в полной мере. Дело было не в недостатке усидчивости или легкомыслии. Скорее — в разнообразии талантов, требовавших синтеза. Искомую гармонию он обрел в философии, призванной ответить на главные вопросы: о ценности выводов рассудка, границах разума и той сфере бытия, которая неподвластна законам логики. Именно область мистического откровения притягивала больше всего.

Его путь в философию начался с чтения классиков: «Я сейчас же почувствовал себя противником Канта. Шекспир же меня перевернул так, что я потерял сон... Несколькими позже, находясь в Европе, я читал Ницше. Я чувствовал, что в нем мир совершенно опрокидывался. Я не могу передать впечатление, которое он произвел на меня». Шестов полагал: исследователь, не страдающий бессонницей из-за предмета изучения, не может претендовать на значимость собственной работы. Эпиграфом к его ранней книге «Шекспир и его критик Брандес» послужил афоризм из романа «Так говорил Заратустра»: «Я ненавижу читающих бездельников».

Первые книги мыслителя не привлекли внимания российской общественности. Тем не менее Сергей Дягилев предложил ему сотрудничество в журнале «Мир искусств». Завязались знакомства с Дмитрием Мережковским и Василием Розановым. Образовался круг интел-

С. СОРИН. «ПОРТРЕТ ФИЛОСОФА ЛЬВА ШЕСТОВА». 1922. ФРАГМЕНТ

лектуалов, куда входили Николай Бердяев, ставший лучшим другом Шестова, Сергей Булгаков, Григорий Рачинский, Михаил Гершензон, Вячеслав Иванов. В этой среде рождалась русская философия. Ее «отцы» влияли друг на друга, обмениваясь мыслями, споря (подчас с криками и взаимными упреками), засиживаясь далеко за полночь.

Для написания некоторых трудов Шестов уезжал в Европу. В 1905-м вышел его «Апофеоз беспочвенности», произведший сильный эффект, особенно — на молодых. Самые впечатлительные из них, эпатируя, грозились: «Буду развратничать и читать Шестова!» Они воспринимали автора как провозвестника абсолютного адогматизма (свободы от догм, канонов). Книга «Начала и концы» (1908) была посвящена анализу творчества русских писателей.

В 1912-м издали его собрание сочинений в шести томах, которое определенным образом закрепляло за ним славу крупного мыслителя. По мнению историка философии Василия Зеньковского, «обращает на себя внимание его исключитель-

ное литературное дарование... на читателя чрезвычайно действует редкая у писателей простота... Изящество и сила слова как-то своеобразно сочетаются у Шестова со строгостью и чистотой словесной формы».

Всему этому — пиршеству духа, а равно расцвету национальной культуры — приходил тем временем конец. Надвигалась революционная буря, к которой утонченные интеллектуалы не были морально готовы. Шестов мало интересовался политикой, иронически относился к разнообразию партий, не видел смысла в программах и лозунгах. Унаследованное от отца семейное дело, которое сам философ называл «торговой лавкой», какое-то время давало возможность не думать о материальных проблемах. В 1919-м он закончил очередную книгу «Власть ключей». Напечатать ее в России в условиях большевистской цензуры уже не смог. В 1920-м вместе с семьей эмигрировал.

В Европе продолжал разрабатывать основные направления своей философской системы, издав

«Преодоление самоочевидностей» (1921), «Власть ключей» (1923), «Откровения смерти» (1923), «Гефсиманскую ночь» (1923), «На весах Иова» (1929). В этот период открыл для себя еще двух значимых мыслителей: феноменолога Эдмунда Гуссерля, во многом определившего лицо философии в XX веке, и религиозного мыслителя Серена Кьеркегора. Последняя книга Шестова — «Афины или Иерусалим» (1938). В ней он со всей остротой поставил вопрос о несовместимости рационального мышления и религиозного откровения.

В его творчестве можно выделить две стороны — философскую и литературоведческую. Русская литература дала мощный импульс, позволив выразительно проиллюстрировать философские идеи. По Шестову, философия должна научить человека жить в неизвестности, научить его свободе от «очевидностей», то есть догматов повседневности, рассудочно-теоретических шаблонов. В литературе идеальной фигурой был для него Пушкин, самой близкой по духу — Чехов, самой трагической — Гоголь. Глубочайшими мыслителями и психологами он считал Льва Толстого и Достоевского. Пушкина назвал «одним из самых умных, если не самым умным русским человеком». Тот, по мнению Шестова, был личностью наиболее гармоничной и свободной, поскольку отказывался от любых масок, не выступал в роли пророка или учителя: ему, с его совершенным умом, это вовсе не требовалось — показывать себя мудрым и всезнающим. «Мудрость — т.е. длинная, седая борода, огромный лоб, глубоко впавшие глаза, нависшие брови и, как венец всего, старческая благословляющая рука — во всем этом древнем благочестии чувствуется ложь... а всякая ложь и искусственность раздражает и отталкивает».

Пушкин, преступая заповедь Спинозы — «не плакать, не смеять-

ся, не ненавидеть, а понимать», — не боялся выражать личные чувства и настроения, плакал и смеялся вместе с героями своих произведений, при этом не возвышаясь над ними, но смиряясь перед тайной жизни. Ранняя смерть избавила гения от ореола премудрого старца.

В этом смысле судьба не пощадила Толстого, в ужасе сбежавшего в конце концов от бремени забот обо всем человечестве. Прежде он пытался осчастливить мир людей своим новым учением, исправляя Евангелие, проповедуя этический максимализм. Для Шестова ранний и поздний Толстой — разные люди: «Он готов был верить без-

грамотному мужику, глупой бабе, ребенку... только бы они говорили иначе, чем люди науки! А между тем, он кончил тем, что в главном принял все, чему учит наука, и так же держится «положительных» идеалов, как и большинство реформаторов в Европе... От искусства он требует проповеди добрых дел, от науки — советов мужику».

В сомнениях, поисках, бегстве от себя состояла подлинная натура великого писателя, считал философ. Он встречался с Толстым в Ясной Поляне, долго беседовал с ним, пытаясь донести сущность учения Ницше, глубину страданий и ужаса от того, что «Бог умер», поскольку его повторно убили в Европе рационализмом. Гений не понял ни Шестова, ни Ницше, посмеявшегося всмотреться в бездну небытия.

Вглядываясь в глубь человеческой души, искаженной пороками, сохранил выдержку и душевную стойкость Достоевский. Но для Гоголя это оказалось роковым испытанием. Тем не менее неудачи и даже заблуждения Николая Васильевича не свидетельствуют против него, скорее, показывают наше общее бессилие перед тайной жизни. Оно же открывает новый путь постижения. Именно поэтому неслыханный аскетизм и самоистязания Гоголя, его воля к тому, чтобы «терзать себя и безумствовать... уничтожать свои лучшие рукописи, писать дикие письма друзьям... «нужнее», чем его дивные литературные произведения». Эта мука спасала его от омертвения, превращения внутреннего мира в автомат, функцию — ведь сам он в основном склонен был именно механически, бездушно воспринимать окружающую реальность.

Слова Гоголя «Скучно на этом свете, господа!» вводят нас в сокровенный центр творческой лаборатории другого выдающегося писателя, Чехова. Шестов назвал его певцом безнадежности, уби-

вающим своим творчеством человеческие надежды: «Искусство, наука, любовь, вдохновение, идеалы, будущее — переберите все слова, которыми... человечество утешало или развлекало себя, — стоит Чехову к ним прикоснуться, и они мгновенно блекнут, вянут и умирают».

Казалось бы, Чехов был на волосок от мысли Достоевского о том, что страдания героев, запутавшихся в нелепых и безвыходных обстоятельствах, есть путь очищения и спасения. Но он не делает этого шага, навсегда оставаясь в объятиях тоски. Шестов ценит в Чехове борьбу с позитивизмом, ограниченностью человеческого разума, претендующего на то, что он знает ответы на все вопросы, с обыденной, пошлой моралью, усматривает в писателе нечто от Гамлета с его вопросами без ответов и напряженной работой духа.

Что касается Достоевского, Шестову он ближе всего в «Записках из подполья» и «Дневнике писателя». Легенду о великом инквизиторе философ считал одним из самых гениальных художественных прозрений в истории литературы. «Пушкинскую речь», с ее пророчествами о всечеловеческом характере русского народа, который, дескать, вернет в Европу идеалы братства, Шестов считал мрачным апофеозом деятельности писателя: любой, кто некритически начинает вещать об идеалах и с пафосом пророчить, теряет Бога, истину. Если писатель становится в позу пророка, то ему трудно соблюсти грань между пошлостью и величием.

Источником философской тревоги для Льва Исааковича стал Ницше. В некотором роде вся философия Шестова — большой комментарий к его текстам.

Главная идея — противопоставление веры (метафора Иерусалима, в котором проповедовал и был распят Христос) и знания (Афины, город философов). Афины или Иерусалим — эту дилемму должен решить для себя каждый мысля-

щий человек. Христианство очень рано пошло на то, чтобы соединить два несовместимых начала — разум и веру. Вылилось это в католическую догматику. По Шестову, если поскрести любого европейца, то обнаружится в нем средневековый католик, с его наивным и лукавым мировоззрением, индугенциями, попытками откупиться от Бога для спокойствия совести. В этой системе координат вся философия представляет собой грандиозную попытку построения нового мира, в котором истина и добро станут сущностями, вызванными из небытия человеческим разумом. Человек порой ставит эти сущности выше Бога или провозглашает, что они и есть Бог.

Однако Он на самом деле — вне рамок морали и рациональности. Власть последней огромна, всеохватна, и, чтобы разрушить эту паутину, Шестов отчаянно распутывает все ее хитросплетения. Стремится прорваться сквозь дебри к подлинному бытию, к Богу.

Последовательно рассматривая в своих книгах философию всех известных мыслителей от Сократа до Ницше, Шестов разоблачает ложь рационализма. Каждая его кни-

га — очередной штурм крепости надменного рассудка и горделивой морали. Всякий раз он, казалось бы, расшатывает эту твердыню и выходит победителем. Но вскоре обнаруживает в самом себе новый, еще более глубокий и коварный слой рациональности и пытается снова решительно атаковать. Его вдохновляет Библия — тяжбы праведного Иова с Богом, образ человека, взывающего из глубины отчаяния к Всеблагому. Но Шестов не в силах долго оставаться на «библейской территории», как будто не находя там достаточной пищи для пытливого ума, вновь и вновь возвращается к Гегелю, Канту, Спинозе, Лейбницу и принимается разоблачать их рационализм.

На его глазах происходили великие потрясения: Первая мировая война, революции 1917 года, гибель Российской империи, эмиграция, потеря состояния. Но Льва Исааковича эти катастрофы занимали так мало, что он не считал нужным посвящать им даже небольшую брошюру. Вопросы, которые ставили перед человечеством Сократ или Лютер, были для него гораздо важнее.

О. Сергей Булгаков писал, что Шестова «нельзя было не любить, даже совсем не разделяя его мировоззрения, и не уважать в нем отважного искателя истины. Л.И. обладал личной очаровательностью неотразимой... Странно было думать, что под этим покровом скрывался дух, беспрестанно борющийся за веру».

В последние годы он читал только тех, кого называл гигантами духа: Кьеркегора, Лютера, Платона... А также Библию. До конца дней сохранял ясный ум и внимание к вопросам духовной культуры. По словам его ближайшего друга Германа Ловцкога, он «умер с верой, что где-то, за пределами нашей разумной практической мысли, будет услышана молитва-мольба псаломпевца и раскроются глаза у ослепленных, и они возвратятся к Богу».

Порвалась цепь великая

Михаил Бударгин

155 лет назад, 3 марта по новому стилю, был положен конец крепостному праву. Без этой даты немислим весь ход нашей истории. Понятно, что искать в крепостничестве нечто фундаментально положительное — нонсенс. Но с другой стороны...

О ЕГО ОТМЕНЕ прежде мечтала вся просвещенная Россия. Страстные воззвания, пламенные статьи, борьба за народное счастье... И вот, наконец, в 1861 году оковы пали, начались исторические преобразования. Однако очень скоро возникло недоумение: происходит не то, что задумано. А через полвека оказалось, что тектонические сдвиги, порожденные решением Александра II, готовы похоронить великую империю.

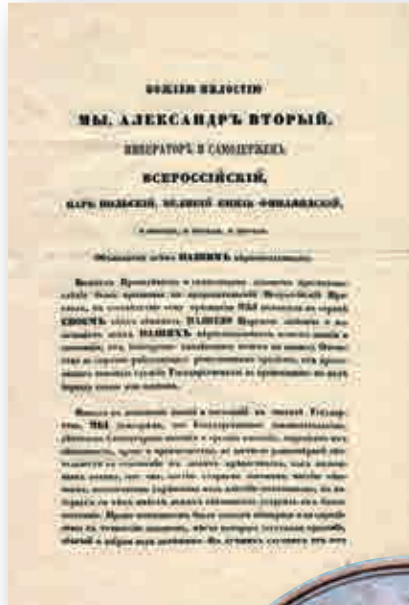
Александр Радищев в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) писал о помещиках: «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? То, чего отнять не можем, — воздух. Да, один воздух. Отъемлем нередко у него не токмо дар земли, хлеб и воду, но и самый свет».

Виссарион Белинский в письме Николаю Гоголю взывал к исправлению недостатков: «Она (Россия. — «Свой») представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками».

Убедительно? Более чем. Есть такие аргументы, на которые в пылу полемики нечего ответить — все прозвучит слабо. Любая защита крепостного права выглядела чем-то настолько вопиющим, что даже государственники предпочитали обходить эту тему стороной, а славянофилы (не все из них безусловно поддерживали трон) смело соглашались с западниками в том, что «так дальше жить нельзя». Десятилетиями крепостная зависимость была главной мишенью социальной, политической и этической критики в отношении «режима». Тот, в свою очередь, сначала реформу отложил (Александр I задумывал ее еще в начале XIX века), а затем — под давлением — провел слишком быстро, наказав и помещиков, и крестьян.

Лучше всех о том, что получилось, написал Николай Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо»: семь мужиков странствуют по Руси и везде видят, что — как у Шекспира, которого они, конечно, не читали — «порвалась цепь времен». «Порвалась цепь великая, / Порвалась — расскочилась, / — Одним концом по барину, / Другим — по мужику!...»

Технические сложности отмены крепостного права давно описаны, их можно перечислить через запятую. Крестьяне не понимали, как им жить, землю получили плохую, отдавали за нее слишком много, находясь в тяжелой кабале. Помещики лишались устойчивого дохода

и не имели часто ни малейшего представления о том, как выстраивать отношения со вчерашними крепостными.

Старая модель хозяйствования изжила себя, поэтому было решено сразу заменить ее на новую. Спустя много лет социализм так же будет менять на капитализм — легким движением руки...

Считалось, что со временем проблемы «переходного периода» сгладятся, на земле появятся ответственные крестьяне, рачительные помещики, расцветут промышленность и хозяйство, которое свободные люди (чай не рабы какие-то) будут вести более эффективно, умело.

Ведь свобода — это главное, остальное приложится.

Все оказалось иначе. Одно из следствий отмены крепостного права — расцвет к 1890-м годам оторванных от почвы, веры и родины сект. Через двадцать лет их проповедники дойдут и до царских покоев, а пока будут бродить от края до края от-

Чтение Манифеста об отмене крепостного права в России в имении Прозоровых. Московская губерния, 1861

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ромной России и искать правды, Бога и спокойствия. Не найдут. Сорванные с земли, неприкаянные, не пристроенные к делу люди сначала станут перебиваться случайными заработками на отхожих промыслах (те расцветают как раз в 1880-х), а потом осядут где-нибудь, чтобы задаться сакраментальным вопросом: почему не получается жить ни по-божески, ни по-людски?

Реформаторы что во времена Александра II, что в эпоху Горбачева — Ельцина видели общество математически. У нас, мол, есть столько-то крестьян, столько-то помещиков (затем считать начнут «служащих», «кооператоров», «беспартийных»), нужно дать одним — это, другим — то, и все само собой устроится.

Но мир устроен куда сложнее. Крепостные, по идее, должны были ненавидеть помещиков, но — иногда — любили их преданно, искренне. Землевладельцы обязаны были жалеть о потере крепостных, а на деле — порой радовались и садились за карты, не подозревая о том, что уже через десять лет земля перестанет родить. Мирные землевладельцы пополняли низовой актив петербургских банд, польстившись на кураж, а вчерашний отец большого семейства не умел воспитать в отпрыске ни дворянина, ни человека.

Кто в 1861 году помышлял о том, чтобы все это учесть? А кто в 1986-м предполагал, что «демократизация» и «гласность» приведут в итоге к появлению и разрастанию бандитских кланов, что поколение городских советских окраин захочет не «предпринимать», а приставлять: кому — дуло к груди, кому — нож к горлу, а кому — и раскаленный утюг к животу?

Люди повели себя не так, как первоначально ожидалось. Государственная мысль ведь всегда строится на просвещенческой основе: покажи человеку, как выгодно, он так и сделает, мы же все стремим-

Фирс — А. Грибов

Фирс. Перед несчастьем
то же было: и сова
кричала, и самовар
гудел бесперечь.

Гаев. Перед каким
несчастьем?

Фирс. Перед волей.

А.П. Чехов
«Вишневый сад»

ся к лучшему. Богатым и здоровым быть лучше, чем бедным и больным.

Между тем масштабно думать и действовать, исходя из этой логики, — системная, катастрофическая ошибка.

Произошедший после отмены крепостного права сдвиг привел не столько к освобождению из рабства, сколько к расширению границ его форм. Одной из них стал, к примеру, массовый алкоголизм: число кабаков на Руси росло значительно быстрее количества библиотек. Торговля людьми, которая так возмущала революционных демократов, никуда не делась, приобретает иные формы — став основой капиталистического рынка труда либо уйдя в глубину народной жизни.

Эта самая народная жизнь оказалась опять же не такой, как думали народники, мечтавшие вдохнуть в нее смысл. И не такой, как представляла себе власть, хорошо считавшая подати, но плохо видевшая за податями живых людей, для которых выбор стал еще одной формой тирании.

Наш современник, философ и социолог Рената Салецц, объясняя ключевую идею своей главной работы («Тирания выбора»), говорит о современном потребительском обществе и словно бы возвращает нас в 1861 год, чтобы мы смогли увидеть русского крестьянина, стоящего на перепутье: «Доминирующая идеология выбора создает у людей впечатление, что они могут радикально менять свою жизнь и тем самым приблизиться к идеальному счастью... Люди, и так напуганные необходимостью выбирать и пугающиеся еще больше из-за доминирующей идеологии, начинают искать авторитеты. В ситуации страха намного проще обратиться к авторитетам: религиозным гуру, к примеру, или разного рода коучам (тренерам. — «Свой»), которые выглядят не такими напуганными».

В посткрепостнической России религиозными гуру стали сектантские учителя, а коучами — юные бомбисты, которые и впрямь не боялись ни Бога, ни черта.

Сегодня слишком просто поучать как борцов с крепостным правом, так и тех, кто пострадал от его отмены. И даже тех, кто много приобрел. Скажем, русское купечество получило в свое распоряжение почти бесплатную, безграмотную, нищую рабочую силу — это ли не мечта любого капиталиста? Однако современный образованный городской человек, если вдуматься, не очень далеко ушел от крестьянина времен Некрасова. Мы все так же жаждем свободы, все так же боимся ее, не понимая, что с ней делать. И до сих пор уверены в том, что рано или поздно все наладится само собой.

Достояние империи

Началом истории Большого театра принято считать март 1776-го, когда губернский прокурор князь Петр Урусов получил высочайшее соизволение императрицы Екатерины II «содержать... театральные всякого рода представления, а также концерты, воксалы и маскарады». С тех пор здание театра горело, отстраивалось заново, становилось временным. Но, несмотря ни на что, он был и остается вечным настоящим, великой константой великой страны.

Дмитрий Антонов

ПОПУЛЯРНОСТЬ Большого настолько огромна, что традиционно подпитывает даже самый бесхитростный наш юмор (кто же не в курсе, чьи просторы бороздят космические корабли?) Возможно, вы плохо знаете творчество Визбора, однако крылатую фразу «а также в области балета» наверняка нередко цитируете. И эта «область» у нас ассоциируется непременно с Большим. В чем же его могучий секрет?

Когда театр создавался, воксалом называлось не строение на железнодорожной станции, а увеселительный сад или помещение, где происходили гулянья с танцами. Железной дороге еще только предстояло появиться в России, зато опера и танец на самом высоком уровне уже громко заявили о себе. Это позже паровозы будут доставлять прославленного тенора Большого Леонида Собинова с его дамой сердца, балериной Верой Каралли, в удаленные точки необъятной империи. Сначала театр был, скорее, камерным. Являлся составной частью Императорских театров, а титул главного среди них долгое время удерживала приближенная к государю Мариинка. Близость к высшей власти и знати — качество для подобных искусств архиважное.

Санкт-петербургская классика начала XX века хорошо подходила к последним дням Романовской империи, уже тронутой увяданием, переживавшей грустную осень. Воспоминания самой главной придворной балерины Матильды Кшесинской безжалостно свидетельствуют: они, мариинцы, а заодно и все сколько-нибудь к ним близкие были обречены. Убедительности добавляет наивность, с которой Матильда Феликсовна проговаривает то, что следовало скрыть. На

Заключительная сцена оперы «Иван Сусанин». Большой театр, 1978

ФОТО: АЛЕКСАНДР КОНЬКОВ/ТАСС

всем ее мемуарном труде лежит печать усталости — той же, какой страдала вся монархия.

Неудивительно, что наибольший успех и величайшая слава позже выпали на долю другого центра державной культуры. Произошло это уже в годы сталинского ампира, реставрации Большого стиля, имперского социализма — строя суровой реальности и, как следствие, замены умозрительных задач мировой революции на конкретные запросы отдельно взятого государства.

Не зря Сталина называют лучшим менеджером военного времени — военачальники всегда почитались на Руси особо. Аристократия раньше была почти сплошь армейской, а опера с балетом у нас издавна слыли зрелищами «офицерскими», элитарными. СССР, в котором ратное дело отнюдь не отошло (да и в принципе не могло отойти) на второй план, был просто обречен стать страной великого балета.

Не потому, что русские — нация прирожденных танцоров. Когда-то нас обучали этому сценическому ремеслу заезжие итальянцы. А наша опера со времен Чайковского и «Могучей кучки» котирировалась во всем остальном мире никак не ниже балетного мастерства. Но та несла в себе порой (с точки зрения верных ленинцев) черты «старорежимной архаики», а то и подав-

но воспевала величие романовской России. Возьмите, к примеру, «Жизнь за царя». Как, скажите на милость, втиснуть сей шедевр в рамки идеологии строителей коммунизма? В прежнем виде — никак. Ухитрились худо-бедно перелицевать. Однако проблем с «новыми прочтениями» испытали, судя по всему, немало. То ли дело «аполитичный», в высшей степени эстетичный, отменно себя зарекомендовавший русский классический танец.

Его как такового, если говорить по совести, «в природе» совсем немного. Однако музыкальное качество настолько высоко, что именно из-за него русскую музыку следует считать самой исполняемой в мире. Если уж на то пошло — из-за одного только «Лебединого озера», число показов которого немислимо. Наши великие написали относительно мало. Чайковский — всего три балета, но какие! «Лебединое озеро», «Спящую красавицу», «Щелкунчика». Глазунов — по большому счету один, но «Раймонду». Прокофьев — больше, но великих три: «Сказ о каменном цветке», «Ромео и Джульетту», «Золушку».

И все. При этом объединенная Европа не может выставить против нас здесь ни количество, ни качество.

Русскому человеку свойственно не танцевать — действовать. Ба-

лет же и есть мощное действие в чистом виде: радость сложнейших физических упражнений, колоссального мышечного напряжения и наслаждение от завоеваний, покорения невиданных прежде вершин.

Когда на смену феодальным сеньориям раннесоветского периода пришло национальное — в самом широком смысле — государство, русские — все как один — возжелали стать подлинными аристократами. И вдохновенно играть в господские прежде «игрушки». Народ хотел завоеваний всяческих — внутренних и внешних, а это стремление сугубо аристократическое. Юным мускулам возрожденной империи лучше всего соответствовал именно балет. Синонимом последнего, повторимся, стал Большой театр.

А ведь участь классического танца со сменой эпох могла стать поистине плачевной. Еще перед февральским переворотом 1917-го в кругах интеллигенции в моду вошел новаторский дунканизм. После большевистского захвата власти и вовсе стало казаться, что лишь «авангард» будет теперь на подмостках: биомеханика, «танцы машин» и прочие гимнастические пирамиды. Эстетика физкультурных парадов никуда не делась и после того, как Сталин решил ориентировать государство на проверенные временем образцы, но выделить ее стало нелегко: она слилась с русским — теперь уже истинно русским — балетом.

В молодой республике происходили процессы, менявшие весь мир. Летопись Большого — это во-первых, во-вторых и в-третьих — история Советского Союза, если очистить ее от мелкого, несущественного. А также история русского созидательного духа, вновь почувствовавшего себя общемировым.

Наш главный хореограф Юрий Григорович — от природы скорее цирковой виртуоз, нежели вышколенный придворный кавалер. Но,

скажите, кем ему быть, когда скипетр и державу монарха уверенно и горделиво берет в руки сам народ? Опять же балет изначально был не только господским танцем, но и бергамаской, исполняемой с привлечением жонглеров и канатоходцев...

Летопись Большого — это прежде всего история Советского Союза.

А также история русского созидательного духа, вновь почувствовавшего себя общемировым

По сути, вся история Большого — на расстоянии вытянутой руки. Вот профессор Александр Фирер, он хорошо знал Майю Плисецкую, часто помогал ей разбирать корреспонденцию. Здесь — целый коллектив, еще помнящий Марину Семёнову. В телефонной книге — номер, по которому можно позвонить ученице Екатерины Максимовой.

Веселым и жизнерадостным выглядит академик Виктор Ванслов, главный пиар-агент Григоровича. Да и сам Юрий Николаевич всегда готов тепло приветствовать благодарную общественность. Все еще живут среди нас те, кто лично ковал славу величайшего из театров. Это не прошлое, это все настоящее.

Высокую культуру создают здесь и сейчас. Посему самое лучшее в этой сфере вот уже много десятилетий собирается в Москве. Фраза «быть признанным всей страной» стала почти равнозначной словосочетанию «танцевать на сцене Большого». Это центр русской нервной системы, поучаствовавший в управлении всеми функциями державного организма: головными-императорскими, вспомогательно-периферийными (являясь когда-то средой подпитки питерской сцены), всеобъемлюще универсальными.

Большой театр прочно утвердился в своей наивысшей состоятельности и уже давно не делегирует никому исключительную роль — миссию живого выражения национального духа.

Н. Тимофеева и М. Либа
в балете «Спартак».
Большой театр. 1977

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Демоном поверженный

Ксения Воротынцева

160 лет назад, 17 марта, родился Михаил Врубель. Знавшие его творчество люди разделились некогда на два лагеря. Первые обвиняли художника в дилетантизме (и это ученика блестящего Павла Чистякова, вырастившего не одно поколение мастеров). Вторые, напротив, не сомневались в его гениальности.

Михаил Александрович легкомысленно относился к собственным произведениям: забывал, уничтожал, отдавал за бесценок. И в результате оставил после себя не так много картин, как нам хотелось бы. Однако и их достаточно, чтобы убедиться: искусство Врубеля — явление, шагнувшее далеко за пределы сопутствовавшей ему эпохи модерна.

ЖИЗНЕННЫЙ путь будущего мастера начался далеко от столиц — в Омске, где отец служил старшим штабным адъютантом Отдельного Сибирского корпуса. Маленький Миша рано осиротел: в 1859 году от чахотки умерла мать. Спустя четыре года Врубель-старший женился снова. В семье, кочевавшей по местам службы ее главы, поощряли рано открывшиеся артистические способности ребенка, даже пригласили учителя из саратовской гимназии давать частные уроки.

Поначалу он выбрал не художественную стезю. Еще в школьные годы Михаил отличался прекрасной памятью, интересом к истории, латыни. Окончив Ришельевскую гимназию в Одессе с золотой медалью, поступил в Петербургский университет на юридический факультет. А в 24 года, по выпуске и отбытии краткой воинской повинности, совершил неожиданный кульбит: стал вольнослушателем Академии художеств.

В 1886-м познакомился, а затем крепко подружился с Константином Коровиным, оставившим впоследствии трогательные воспоминания. Как и многие, тот отмечал особую деликатность своего друга, который — пока не началась болезнь — был воспитанным, скромным и даже стеснительным. Его щепетильность и аккуратность перекликались с любовью к красоте, изяществу: Михаил Александрович считался настоящим денди. Один из второстепенных художников того времени, Лев Ковальский, охарактеризовал Врубеля, приехавшего в Киев для реставрации фресок в Кирилловской церкви, как «молодого венецианца с картины Тинторетто или Тициана»: «Невысокого роста, очень пропорционального сложения, одет... вот это-то в то время и могло меня более всего поразить... весь в черный бархатный костюм, в чулках, коротких панталонах и штиблетах. Так в Киеве никто не одевался, и это-то и произвело на меня должное впечатление».

Коровину запомнился другой любопытный эпизод: «Как-то летом у Врубеля, который жил со мною в мастерской на Долгоруковской улице, не было денег. Он

взял у меня 25 рублей и уехал. Приехав вскоре обратно, он взял большой таз и ведро воды, и в воду вылил из пузырька духи, из красивого флакончика от Коти. Разделся и встал в таз, поливая себя из ведра. Потом затопил железную печь в мастерской и положил туда четыре яйца и ел их с хлебом печеные. За флакон духов он заплатил 20 рублей... — А чудно, говорю я ему. — Что же это ты, Миша... Он не понял. Словно это так необходимо. Раз он продал дивный рисунок из «Каменного гостя» — Дон Жуан за 3 рубля. Так просто кому-то. И купил себе белые лайковые перчатки. Надев их раз, бросил, сказав: «Как вульгарно»...»

Эстетство сопровождало Врубеля во всем: женившийся на певице Частной оперы Надежде Забеле, он придумывал ей невообразимые костюмы, выступал сценографом, писал портреты, в том числе «Царев-

«ХРИЗАНТЕМЫ», 1894

«МУЗА», 1896

РУССКИЙ ГЕНИЙ

ну-Лебедь» (1900). Элегантно и со вкусом обставлял съемное жилье: например, искал белую колясочку для будущего ребенка. У него бывали хорошие заработки: выполнение частных заказов — декораций, панно, майолик. Но деньги утекали сквозь пальцы. Коровин вспоминал: «Я никогда не видал более бескорыстного человека. Когда он за панно, написанные Морозову, получил 5000 рублей, то он дал обед в гостинице «Париж», где жил. На этот обед он позвал всех там живущих. Когда я пришел поздно из театра, то увидел столы, покрытые бутылками вин, шампанского, массу народа, среди гостей — цыганки, гитаристы, оркестр, какие-то военные, актеры, и Миша Врубель угощал всех, как метрдотель он носил завернутое в салфетку шампанское и наливал всем. — Как я счастлив, — сказал он мне. — Я испытываю чувство богатого человека. Посмотри, как хорошо все настроены и как рады. Все пять тысяч ушли, и еще не хватило. И Врубель работал усиленно два месяца, чтобы покрыть долг».

В художественном сообществе его творчество долго не встречало понимания. Чего стоит скандал на Нижегородской ярмарке в 1896 году, когда панно «Принцесса Греза» и «Микула Селянинович» были со скандалом отвергнуты комиссией. Художник часто переписывал уже готовые картины, и это вызывало ужас у заказчиков, считавших, что он только портит произведения. Например, очень расстроился Валерий Брюсов, чей портрет Врубель создал уже в клинике для умалишенных: он стер тряпкой фон, пытался нарисовать новый, но был уже очень плох и картину забросил. Илья Остроухов, известный коллекционер, один из руководителей Третьяковской галереи, долго не решался купить работу «Демон поверженный» (1902): Михаил Александрович добавил на холст бронзовые порошки, те быстро темнели, и нужно было как-то

«ПОЛЕТ ФАУСТА И МЕФИСТОФЕЛЯ». 1896

«ДЕМОН ПОВЕРЖЕННЫЙ». ЭСКИЗ

«ИГРА НАЯДИ И ТРИТОНОВ», 1900

уговорить уже заболевшего, неуравновешенного мастера положить слой обычной краски.

Многие косо смотрели на его увлечение inferнальной темой, которая, впрочем, пользовалась популярностью среди деятелей Серебряного века. Живописец особенно любил Лермонтова: именно с иллюстраций к поэме последнего началась все известная «дьяволиада». Тогда же был создан «Демон сидящий» (1890), а двенадцать лет спустя — «Демон поверженный», после чего их автор стал по-настоящему терять рассудок. Катализатором душевной болезни послужила жизненная трагедия. Долгожданный сын Савочка родился с заячьей губой, что изрядно подкосило мастера. А через три года, во время путешествия в Киев, малыш заболел и умер. Финал жизни Врубеля чрезвычайно печален: беско-

нечные лечебницы, попытки вернуться к работе, слепота. И лишь тонкий серебряный голос жены, певшей для него, служил немощному художнику утешением.

Его биография сегодня воспринимается как отдельное произведение искусства: один из «проклятых поэтов», он погрузился в ницшеанские пучины безумия со всей славянской серьезностью. Этот рафинированный, с европейской внешностью человек, знавший восемь языков и признававшийся, что неизгладимый след в его душе оставила яркая венецианская живопись, чувствовал себя абсолютно русским: «Я не люблю одного, — говорил он про Запад, — там презирают бедность. Это несправедливо, и неверно, и нехорошо. А в России есть доброта и нет меркантильной скупости». Подобные слова подходят и самому Врубелю, сумевшему, по словам Блока, сложить слово «вечность».

ОБЛИЦОВКА КАМИНА. КОНЕЦ 1890

«ПОРТРЕТ К.Д. АРЦЫБУШЕВА», 1897

Родное слово

Пессимистическая

КОМЕДИЯ

Валерий Бурт

Это был высокий господин, тщательно причесанный, в дорогом костюме и «штучном» жилете. Внимательный взор пронзал не только стекла модного пенсне, но и все вокруг. Его имя было на слуху у всей России.

ПРИМЕЧАТЕЛЬНО, что Аркадий Аверченко не окончил даже школу. «Я так и остался бы неграмотным, — вспоминал писатель, — если бы старшим сестрам не пришла в голову забавная, сулившая им, в сущности, массу новых ощущений мысль: заняться моим образованием».

Он родился 27 марта 1881 года в Севастополе в семье небогатого купца. Перебивался на скромных должностях писца и конторщика. Первые его рассказы опубликовали харьковские издания в самом начале XX века. Когда увольнялся со службы, услышал презрительное резюме директора: «Вы хороший человек, но ни к черту не годитесь!» Интересно,

читал ли он потом рассказы бывшего конторщика?

Аверченко пошел в «Штык» — был такой юмористический журнал в Харькове. Когда тот испустил дух, Аркадий отправился в «Меч». Тоже юмор и —

сти-
че-
ский.
Но и это издание приказало долго жить.

Он приехал в Санкт-Петербург в канун нового, 1908 года с червонцем в кармане. Ах да, еще была надежда. Спустя пять лет на страницах «Сатирикона» о своем приезде рассказал следующее: «Несколько дней подряд бродил я по Петербургу, присматриваясь к вывескам редакций — дальше этого мои дерзания не шли. От чего зависит иногда судьба человеческая: редакции «Шута» и «Осколков» помещались на далеких незнакомых улицах, а «Стрекоза» и «Серый волк» в центре... Будь «Шут» и «Осколки» тут же, в центре, — может быть, я бы преклонил свою скромную голову в одном из этих журналов. Пойду я сначала в «Стрекозу», — решил я. — По алфавиту. Вот что делает с человеком обыкновенный скромный алфавит: я остался в «Стрекозе».

Еще один штрих к биографии. В молодые годы он встретился в Ялте с Максимом Горьким и оставил ему свои рассказы. Через несколько дней получил от мэтра сухое

короткое письмо: «Господин Аверченко, бросьте писать, так как из вас никогда не выйдет писатель». Впрочем, его критиковали многие, в том числе Корней Чуковский. Тот называл Аверченко «моветонным щеголем».

Не все, однако, ругали начинающего литератора. К примеру, рецензент газеты «Современное слово» высказался так: «Сквозь шарж, надуманность, пустое балагурство светится несомненное дарование, своеобразная наблюдательность, способность к меткой карикатуре». Далее критик заметил, что тексты напоминают первые миниатюры Антоши Чехонте.

Александр Куприну показалось примерно так же. «Стрекоза» с рассказами Аверченко попала ему на глаза, когда он сидел в пивной у Фонтанки и жевал вареных раков. Стал читать, увлекся. По собственным словам, «взволновался, умилился, рассмеялся и обрадовался». И Куприн решил, что миру явился новый Чехов.

Герои Аверченко — люди, выхваченные из жизни. Русские обыватели — Зверюгин, Хромоногов, Капитанаки, Бельмесов, Панталыкин — смешные, неуклюжие. Анекдотичные и абсурдные. Критик Вячеслав Полонский отмечал, что в книгах писателя нет и следа политики, «ни в узком, ни в широком смысле». Все обращено в яд, которым «смазывали законечники сатирических стрел».

Аверченко подписывался не только своей фамилией, но и множеством — всего их было без малого пятьдесят — псевдонимов. Самые известные — Аве, Фальстаф, Фома Опискин, Медуза-Горгона.

Вскоре журнал переименовали из «Стрекозы» в «Сатирикон» — в честь книги римлянина Петрония. «Над Фонтанкой сизо-серой / В старом добром Петербурге, /

В низких комнатках уютных / Расцвел «Сатирикон»...» — писал один из его сотрудников, блестящий поэт Саша Черный.

Публиковались там, вестимо, и другие таланты: Тэффи, художник Ре-Ми и его коллега Алексей Радаков...

Много позже в статье памяти Аверченко Тэффи сообщила: «Смех по традиции доброй старой литературы был строжайше запрещен. Смеяться можно было только «сквозь слезы», предварительно четырежды прочитав».

Журнал отличался чрезвычайной остротой, язвительностью, и цензура следила за ним пристально, почтище жандармов. Бывало, «Сатирикон» выходил с белыми пятнами вместо «зарезанных» фельетонов или рисунков. Под ними стояла красноречивая подпись: «Снят по независимости от редакции обстоятельствам». Да и штрафовали редактора Аверченко нередко.

В 1913 году вышла какая-то темная история с деньгами — несколько сотрудников (Аверченко в том числе), разругавшись с издателем Михаилом Корнфельдом, ушли из редакции. Долго без дела не сидели и основали «Новый Сатирикон». Некоторое время выходили оба журнала, но вскоре обескровленный «Сатирикон», лишенный лучших авторов, перестал существовать.

Аверченко писал не только рассказы с фельетонами, но и театральные рецензии. Его сочинениями зачитывались служащие, офицеры, гимназистки, домохозяйки, министры. И Николай II. Император даже звал его в Царское Село — почитать рассказы для августейшей семьи.

Одни считали, что писатель принял приглашение, но приехал президент Франции Пуанкаре, и дело

расстроилось. Другие говорили, что Аверченко сначала отказался, но потом передумал. А царь отрезал: «Поздно спохватился!»

Николай и после отречения не оставлял вниманием творчество Аркадия Тимофеевича. 7 мая 1918 года он записал в дневнике: «Вчера начал читать вслух книгу Аверченко «Синее с золотом».

В преддверии смутных времен писатель разбогател, купил роскошную квартиру, завел лихача. Критик Николай Брешко-Брешковский вспоминал, как «по утрам Аверченко под звуки граммофона занимался гимнастикой, работая пудовыми гириями».

Обедал успешный литератор в дорогих петербургских ресторанах — «Медведе», «Вене». Был на виду, наслаждался славой, но так и не женился, хотя болтали, что у него имелся внебрачный сын, тоже Аркадий.

И тут наступил 1917 год.

Февральская революция была для Аверченко желанной. Но в конце семнадцатого разразилась новая, ставшая ненавистной. Свою ярость по отношению к большевикам он изливал и в «Новом Сатириконе», и в его «филиале» — журнале «Барабан».

Первый выходил до августа 1918 года. Странно, что прожил чуть ли не год после Октябрьской революции. Может, большевики надеялись, что сотрудники перестанут их обличать и встанут под красные знамена? Не получилось ни то, ни другое. В 1918 году журнал закрыли, лучшие сотрудники разбежались.

А что же Аверченко? Он оказался в тупике. Книги больше не выходили, счет в банке арестовали. Квартиру грозили уплотнить, самого хозяина чекисты собирались взять под стражу. Что делать?! Бежать.

Отъезд из Петрограда был, по его словам, «вынужденно срочным, лихорадочно поспешным». Он «со-

вал в большой чемодан первое, что подворачивалось под руку».

Вместе с Тэффи пробрался в Москву, потом — в Киев. На станции Унеча проводил «зачистку» отряд чекистов под началом свирепой комиссарши Фрумы Хайкиной. Та, узнав писателя, грозилась его «шлепнуть». Однако смиростивилась, ибо дуэт юмористов устроил красноармейцам концерт.

Из Киева писатель направился в родной Севастополь. Работал в газете «Юг», выдал замуж сестер Елену, Ольгу, Нину. Знаменитый брат был для них вроде свадебного генерала.

Шло время. Красная армия неумолимо надвигалась. Барон Петр Врангель с войском готовился к эвакуации из Крыма. Ветер трепал обрывки последнего приказа главнокомандующего: «Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих. Дальнейшие наши пути полны неизвестности...»

Аверченко покинул Россию поздней осенью 1920 года, за несколько дней до ухода белых, чуть ли не на последнем пароходе. В Севастополе родился... из Севастополя ушел... И из России. Навсегда.

Новая власть в представлении Аверченко населила страну нечистой силой. Изящный тонкий юмор писателя из светлого стал «черным».

В 1921 году Ленин получил изданный в Париже сборник рассказов под названием «Дюжина ножей в спину революции». Вождь большевиков, выступив в «Правде» в качестве рецензента, назвал книгу «высокоталантливой», а автора — «озлобленным почти до умопомрачения белогвардейцем». Собственно, упреков у Ленина к Аверченко было немного. Разве что его самого и Троцкого сатирик изобразил недостойно. Потому что лично не знал. К счастью.

В качестве примера Ленин привел рассказ «Осколки разбитого вдребезги». Два старика-эми-

гранта вспоминают былое: улицы, театры, еду в ресторанах. Воспоминания прерываются восклицаниями: «Что мы им сделали? Кому мы мешали?»... «Чемим мешало все это?», «За что они Россию так?»... Главный большевик считал, что Аркадию Аверченко не понять — «за что». А вот рабочие и крестьяне, мол, понимают без труда и не нуждаются в пояснениях. Хотя именно тут-то и требовалось кое-что растолковать. Ильич слукавил. Ибо крыть ему особо было нечем.

**Его сочинениями
зачитывались служащие,
офицеры, гимназистки,
домохозяйки, министры.
И Николай II. Император
даже звал Аверченко
в Царское Село —
почитать рассказы
для августейшей семьи**

Ленину все-таки надо отдать должное — похвалил врага и добавил: «Некоторые рассказы, по-моему, заслуживают перепечатки. Талант надо поощрять».

В 1923-м вышла книга «Двенадцать портретов», о которой автор писал, что это «нечто среднее между портретной галереей предков и альбомом карточек антропометрического бюро при сыском отделении». Изображены помимо прочих Феликс Дзержинский, его сослуживец по ВЧК Яков Петерс, Горький...

«Правда, он был только зрителем этого нескончаемого театра грабежей и убийств, но сидел всегда в первом ряду по почетному билету... — писал о «Буревестнике революции» Аверченко. — Он первый восторженно хлопал в ладошки и оглашал спертый «чрезвычайный» воздух мягким пролетарским ба-

ском: Bravo, bravo! Оч-чень мило. Я всей душой с вами, товарищи!»...

Россия вспоминалась Аркадию Тимофеевичу как большая помещичья усадьба, в которой замечательная природа, крепкие чистые дома, хлебосольные хозяева, тихие уголки. Везде царит благодать, покой: «С расчетом жили люди, замахиваясь в своих делах и планах на десятки лет, жили плотно, часто лениво, иногда скучно, но всегда сытно, но всегда нося в себе эволюционные семена более горячего, более живого и бойкого будущего» («Дюжина ножей...»).

А как стало?

«В выбитое окно тянет сырým ветерком, на полу обрывки веревки, окурки, какие-то рваные бумажки, два-три аптечных пузырька с выцветшим рецептом, в углу поломанный, продавленный стул, брошенный за ненадобностью.

Переехала сюда «новая власть»... Нет у нее ни мебели, ни ковров, ни портретов предков...

На окнах появились десятки опорожненных бутылок, огрызков засохшей колбасы... На стене на огромных крюках — ружья, в углу обрывок израсходованной пулеметной ленты и старые полуистлевшие обмотки.

Сор на полу так и не подметают, и нога все время наталкивается то на пустую консервную коробку, то на расплюснутую голову селедки...»

Герои Аверченко помнят не только мирские и плотские радости, но и петербургские закаты: «Небо — розовое с пепельным, вода — кусок розового зеркала, все деревья — темные силуэты, как вырезанные. Темный рисунок Казанского собора на жемчужном фоне...»

Со страниц льется плач: «Только бы мне еще полчаса у Василия Блаженного со свечкой постоять, колоколов послушать».

Эмигранты умирали от тоски по родине. Замечательный русский писатель Аркадий Аверченко — вместе с ними. На чужбине он прожил меньше пяти лет.

Грозная Русь против «смердяковщины»

Лев Вершинин

М.: Эксмо, 2016. — 320 с.

Книга, имеющая столь громкое заглавие (придуманное явно не автором — у издательства, скорее всего, имелся на сей счет карт-бланш), посвящена тайнам и загадкам, связанным с жизнью и правлением Ивана Грозного. Автор проанализировал немало историографического материала и пришел к выводу: вряд ли есть в русской истории государь, который был бы так же оболган, оклеветан, как Иван IV. Утверждение не новое. Тем не менее аргументы в его пользу в книге изложены убедительно и популярно. Лев Вершинин настоятельно рекомендует не апеллировать в спорах о грозном царе к трудам Николая Карамзина и всех его единомышленников, резонно заметив, что одним из главных первоисточников для них в этом вопросе служили измышления предателя-перебежчика Андрея Курбского.

В издании ставятся под сомнение многие приписываемые Иоанну Васильевичу злодеяния, в частности, широко известное (прежде всего по полотну Ильи Репина) убийство им сына Ивана, царская расправа над митрополитом Филиппом (Колычёвым) и некоторые другие факты (или, скорее, «факты»). Подробно описаны возможные причины военных успехов и неудач Руси того периода, козни Запада, стремившегося стереть наше государство с лица земли.

Вот, к примеру, как представлял ключевой момент исхода этих сражений Генрих Штаден, шпион, вражеский лазутчик в окружении русского царя: «Что же до этого Иоанна, то его вместе с его сыновьями, связанных, как пленников, необходимо увезти в христианскую землю (читай, на Запад). Когда великий князь будет доставлен на ее границу, его необходимо встретить с конным отрядом в несколько тысяч всадников, а затем отправить его в горы, где Рейн или Эльба берут свое начало. Туда же тем временем надо свезти всех пленных из его страны и там, в присутствии его и обоих его сыновей, убить их так, чтобы они видели все своими собственными глазами. Затем у трупов надо перевязать ноги около щиколоток, и взяв длинное бревно, насадить на него мертвецов так, чтобы на каждом бревне висело по 30, по 40, а то и по 50 трупов. Одним словом, столько, сколько могло бы удержать на воде одно бревно, чтобы вместе с трупами не пойти ко дну. Бревна с трупами надо бросить затем в реку и пустить вниз по течению».

Этим фантазиям не суждено было осуществиться. Потому и развязали в Европе информационную войну, основанную на клевете в отношении русского монарха.

Сирийская атака Путина Израэль Шамир М.: Алгоритм, 2016. — 240 с.

«Россия сказала «нет». Это короткое русское слово, которое американцы услышали из уст Громыко, казалось, на многие годы исчезло из словаря российской внешней политики. Россия ворчала, но соглашалась — и с приходом НАТО в Прибалтику, и с падением дружественных режимов, и с «гуманитарными» бомбежками, и с захватом Ирака и Афганистана. А тут, несмотря на уговоры, на массированную атаку в западных СМИ, на фотографии кровавых младенцев, невесть кем убитых, — Россия не поддается. Сирия стала первым и самым серьезным за десятилетия испытанием России на прочность. Запад и Восток в недоумении... там уже привыкли не обращать внимания на позицию России. И вдруг — такой поворот событий».

По прочтении этого фрагмента, являющегося началом статьи ближневосточного журналиста и писателя Израэля Шамира, многие наверняка решат, что текст написан никак не раньше осени 2015 года, то есть тогда, когда российская авиационная группировка приступила к непосредственной ликвидации террористических банд в многострадальной Сирии. А между тем процитированные выше утверждения были опубликованы в 2012 году.

Шамир еще три с половиной года назад видел истинное положение дел на Ближнем Востоке. И хотя осязательного военного присутствия России на сирийской земле в то время не наблюдалось (и даже как будто не ожидалось), честный, а главное, высокопрофессиональный журналист совершенно точно фиксировал наиболее ключевые моменты в бедствующем регионе. Описывал ситуацию, уже тогда во многом определяющую наше геополитическое будущее. Чем не ответ разного рода скептикам, которые, с одной стороны, сетуют на то, что российское появление на данных театрах военных действий оказалось якобы слишком запоздалым, а посему бесполезным, а с другой — кричат, что нам там, мол, вообще делать нечего, дескать, не по Сеньке шапка.

Новый публицистический сборник Израэля Шамира дает ответы на сложнейшие вопросы, связанные с игрой России на «великой шахматной доске». Главная ценность этой книги в том, что своими наблюдениями с читателями делится не «диванный» теоретик, узнающий о мировых процессах от себе подобных, но умудренный колоссальным опытом международник, написавший десятки хороших книг и бесчисленное количество статей по геополитической проблематике.

Крым-2014. Как это было? Александр Ширококорд М.: Вече, 2016. — 352 с.

Исторические очерки военного специалиста и публициста Александра Ширококорда напоминают, прежде всего, о важнейших событиях двухлетней давности в Крыму, о том, как начиналась «Русская весна». А также популярно объясняют, почему некогда «подаренный» Украине край не мог после майдана оставаться в составе этой зараженной чудовищными социальными вирусами республики. Некоторые субъективные причины воссоединения полуострова с Россией автор раскрывает в первых двух главах — «Есть ли в Крыму коренной народ?» и «Украинский вариант истории Крыма». Уже из заголовков видно, что межэтническая тема представлена здесь как краеугольная.

Дальше описываются этапы русской истории этих земель — от включения их в Российскую империю при Екатерине Великой до оккупации гитлеровцами и драматических сцен депортации малых народов. Не забыт, разумеется, и хрущевский период, озаглавленный беспримерной «щедростью» за чужой счет.

Ну, а к значительно более позитивным событиям нас подводят главы «Ноябрь 2013-го — февраль 2014 года» и «Севастополь дает отпор». Вторая половина книги посвящена уже новейшей истории во всех отношениях русского Крыма, включая вехи, черты которых еще только начинают проступать на фоне многообещающих процессов национального развития.

Эго как иго

Игорь Немчинов, Сергей Громов

В конце прошлого года противники воссоединения Крыма с Россией предприняли попытки организовать сразу несколько «блокад» — «энергетическую», «продуктовую», «морскую». Обилие поставленных здесь кавычек оправданно: «блокады» вылились в низкопробные фарсовые представления, особенно смехотворной была «морская кампания». Но, как бы жалко такие потуги ни выглядели, исторические причины деструктивной, граничащей с терроризмом деятельности надо назвать. Ведь за всем этим стоит не какой-то случайный или ситуативный фактор, а давняя комплексная проблема межнациональных отношений в Крыму. Точнее, крымско-татарский вопрос.

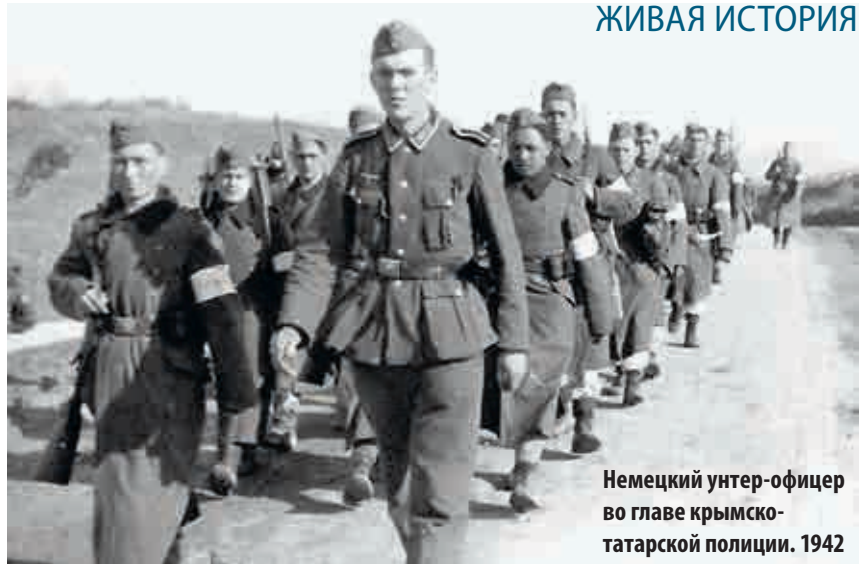
КОГДА-ТО, давным-давно, полуостровом владела крымско-татарская знать, вассальная по отношению к Османской империи, одному из главных геополитических врагов России в течение целого ряда эпох. Екатерина Великая включила Полуденный край в состав нашей державы, и у Крыма началась совсем другая судьба. Вряд ли уместно сейчас вспоминать факты и обстоятельства, приведшие к территориальному переделу, скрупулезно

подсчитывать, кто перед кем больше виноват — турки (и их крымско-татарские протезы) перед русскими или наоборот. Заметим лишь, что геноцид в отношении других народов — явно «не наш метод», а вот османы в своей истории обращались к нему неоднократно.

Как бы там ни было, мудро и справедливо решать крымско-татарский вопрос нашему государству необходимо. К этому оно как будто подступилось, и есть надежда на то, что получится в итоге значительно лучше, нежели у большевиков. Хотя и тех вряд ли будет справедливо упрекать в легкомысленном пренебрежении означенной проблематикой.

Основная беда состояла в том, что ленинская гвардия изрядно «начудила» в своей национальной политике, действуя чрезвычайно непоследовательно и противоречиво. С одной стороны, провозглашала создание нового человека, мирового революционера, безнационального материалиста-безбожника. С другой — уже в начале 20-х взяла курс на коренизацию: так назывался комплекс мер, направленных на развитие автономных этно-культурных образований, с опорой на кадры нацменьшинств.

На русском Донбассе насаждалась тотальная украинизация. В Крыму примерно половину важнейших руководящих постов быстро заняли татары, составляя при этом чуть более четверти населения полуострова. Среди них со временем обнаружились, конечно же, и пантюркисты, и мусульманские активисты, и закоренелые русофобы, а Вели Ибраимов, еще до революции ставший убежденным националистом, в августе 1924 года получил, ни много ни мало, должности председателя ЦИК и Совнаркома Крыма. Разумеется, не за красивые глаза и уж тем более не за выдающийся ум — отдельные современники Ибраимова характеризовали его как дикаря, крайне недалекого и некультурного человека. Зато «си-

Немецкий унтер-офицер во главе крымско-татарской полиции. 1942

Участник «блокады» Крыма

М. Джемилев и его американский патрон

Ленинская гвардия изрядно «начудила» в своей национальной политике. В Крыму примерно половину важнейших руководящих постов быстро заняли татары

некуры» этого калифа в годы Гражданской войны и первые послевоенные месяцы впечатляют: член Особого отдела ВЧК на Кавказском фронте, председатель Ревтройки в Крыму, нарком РКИ Крыма.

В 1928 году его, видного партийного и советского деятеля, показательно осудили и расстреляли. В обвинительном заключении со-

держались весьма сильные эпитеты: «После ликвидации наиболее сильной и авторитетной опоры уголовно-политического бандитизма в Крыму — Велибраимовской группы — открылась возможность к проведению дальнейшей углубленной разработки по окончательной ликвидации бандитизма и его корней среди крымских татар».

Дело Ибраимова — возможно, даже отчасти сфабрикованное, в чем-то несправедливое — послужило началом решительного отхода большевиков от пресловутой коренизации на Крымском полуострове. Однако фатальных проблем в связи с этой ревизией возникло впоследствии едва ли не больше, чем было до нее.

Кстати, примерно тогда же, по утверждению некоторых источников, опасавшийся раскулачивания нэпман Абульджемиль Джемилев

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

закрыл со слезами на глазах любимую кофейню — фамильный, унаследованный от отца бизнес... Когда гитлеровцы захватят полуостров, Джемилев собственное кафе гордо и радостно откроет вновь, примется угощать в нем немецких солдат и офицеров, а 13 ноября 1943-го у него родится сын Мустафа, будущий лидер «Меджлиса крымско-татарского народа», той самой организации, которая возьмет на себя ответственность за все «блокады» осени-зимы 2015 года...

Зампред «Меджлиса», фактический эмиссар Мустафы Джемилева в Крыму и очень влиятельный в недавнем прошлом чиновник Ильми Умеров несколько лет назад вяло и неубедительно пытался опровергнуть громкое заявление одного из правозащитников. Последний уверял общественность в том, что родной дед Умерова при гитлеровцах служил карателем. Более того — возглавлял операцию по уничтожению греческого села Лаки и его жителей. Сегодня это селение известно как «крымская Хатынь». Даже если допустить, что в Лаки зверствовал чей-то другой дед, прежняя деятельность Ильми-бея вкупе с его публичными высказываниями дают понять: нацисты и их прислужники ему куда ближе советских солдат, сражавшихся за освобождение Крыма. Короче говоря, между процессами первой половины XX века и многими нынешними событиями прослеживается четкая связь. И нетрудно предположить, что в какой-то мере она выражается формулой: «Поскреби крымского русофоба-экстремиста — найдешь прямого потомка нацистского прихвостня».

Помня о коллаборационистах, категорически нельзя попрекать ими целые народы, крымско-татарский, в том числе. Как отмечено выше, Советы во многом сами создали базу для их появления на полуострове в годы войны: сначала наделили малый народ исключительными привилегиями, «коренизировали» органы власти республики, а затем, увидев, что дело вдруг обернулось «буржуазным национализмом», прибегли к известным чисткам. Могла ли столь переменчивая политика способствовать сугубой лояльности по отношению к Москве? И все же, как говорится, нет худа без добра. За предвоенные годы среди крымских татар появилось немало людей, считавших Советский Союз, Россию любимой родиной, за которую, если потребуются, следует и жизнь отдать. Чрезвычайно показательным в этом плане выступление шестилетней давности (то есть Крым еще был «украинским») руководителя общественной организации «Крымские татары за союз с Россией» Сейт Вели Сейтмететова: «Недавно один из лидеров меджлиса, руководитель Бахчисарайской райгосадминистрации Ильми Умеров открыто заявил о том, что для него 9 Мая — это не праздник. Людей, делающих подобные заявления, иначе как негодяями я назвать не могу. Ведь среди крымских татар — семь Героев и один дважды Герой Советского Союза, десят-

Акция «Бессмертный полк».
Москва, 9 мая, 2015 года

ки тысяч награжденных орденами и медалями СССР за участие в войне против фашизма, в том числе за оборону Севастополя. Крымские татары руководили подпольными организациями на территории Крыма, участвовали в партизанском движении... Да, мы пострадали, да, мы были выселены со своей Родины. Среди активистов крымско-татарского национального движения за возвращение в Крым было много фронтовиков. Но это не значит, что мы должны держать зло на кого-то и не признавать Победу народов Советского Союза в Великой Отечественной войне».

С началом горбачевской перестройки и гласности доморощенные либералы (тогда они еще назывались «демократами») принялись всех убеждать в том, что Сталин и Берия организовали принудительное переселение народов из мест их компактного проживания с одной-единственной целью: злые деспоты, привлекая к коллективной ответственности целые этносы, желали примерно наказать их за плохое поведение в годы Великой Отечественной войны.

В наши дни эта мера выглядит дико — если считать ее строго репрессивной, а не превентивной, если не рассматривать оную в контексте схожих событий, происходивших в 1940-е в странах «развитой демократии».

По указу президента США Франклина Рузвельта в начале 1942 года всех американцев японского происхождения, проживавших преимущественно в штатах западного побережья, сослали в глубь страны, в концлагерь пустыни Алабама. Количество согнанных исследователи варьируют: от ста с лишним тысяч до 300 000 человек, включая женщин и детей. Многие из них родились в Америке. Перед тем как отправиться в далекие лагерные бараки, эти «вынужденные пересе-

ленцы» пытались за отведенные им 48 часов продать свои дома, участки земли, прочее движимое и недвижимое имущество.

Похожим образом поступили в Великобритании со многими десятками тысяч граждан немецкого происхождения. Причем высылали за пределы Альбиона или помещали за колючую проволоку внутри страны даже тех, кто бежал из нацистской Германии, спасаясь от смерти.

«Но это же представители наций-противников!» — возможно, возразите вы, усомнившись в адекватности приведенных примеров.

Все вышеупомянутые «перемещения» подчинялись, как видится, единой логике, одному набору причинно-следственных связей. Государства, находившиеся в состоянии войны, стремились максимально обезопасить себя от возникновения потенциальных очагов диверсий, «пятых колонн» (читай, антиправительственно настроенных, сплоченных по национальному либо конфессиональному признаку групп) на вероятных — в обозримой перспективе — театрах военных действий.

СССР, высылая со своих южных и юго-западных рубежей малые народы, наспех обвиняя их в пособничестве гитлеровцам, пытался во что бы то ни стало избежать повторения печального опыта в будущей войне, обещавшей стать «сиквелом» Второй мировой. Сталин выбирал из двух зол то, которое ему представлялось наименьшим.

Все знают, как штандартенфюрер Штирлиц с помощью пастора Шлага сорвал сепаратные переговоры Аллена Даллеса с бонзами Рейха. Однако немногие в курсе того, что этот самый Даллес, тогдашний шеф европейского управления американской разведки, начал встречаться в Берне с делегатами от германских властных кругов еще в феврале 1943 года. Разумеется, втайне от Москвы и, само собой, с целью заключения сепаратного мира. К чему бы привела такая сделка? При определенных — заведомо выгодных для «союзников» по антигитлеровской коалиции — условиях результатом стал бы новый, на сей раз уже совместный американо-англо-германский «дранг нах остен». Плюс подключили бы, надо полагать, Турцию, которая во время наступления фашистов на Сталинград перебросила к нашим южным границам 750-тысячное войско. Надо ли объяснять, ради чего турки провели в той смертельно опасной для России ситуации свои «маневры»? Наверное, излишне. Стоит лишь указать на то, что использовать в приграничных областях нашей страны исламский фактор с помощью потомков османов врагам было бы явно сподручнее. Хотя не исключено, что свою неизменно «козырную» национальную карту англо-американцы могли бы разыграть в Крыму, на Кавказе, на Каспии и без турецкопод-

даных. Что же касается «заведомо выгодных условий», то они состояли для западных стратегов в критическом ослаблении военной мощи Советского Союза, которое, казалось, было неизбежно после нескольких лет чудовищных сражений с Германией. Однако Союз не только не ослаб, но стал еще более могучим.

В пользу этой версии говорят и некоторые обнародованные детали операции «Восход солнца» (той самой, над которой трудились Даллес и компания) и просочившиеся сведения о до сих пор засекреченном черчиллевском плане под названием «Немыслимое», предусматривавшем нападение на СССР летом 1945-го, и многие другие, увы, слабо освещаемые в прессе факты...

Еще 13 лет назад Генеральный штаб ВС РФ кратко сформулировал причину злосчастной депортации: «Что касается сегодняшних претензий к Российской Федерации по поводу имевших место в 40-е годы событий, связанных с переселением народов... то они были вызваны объективными причинами, связанными с безопасностью южных границ государства». Но развития эта тема не получила.

Давно пора рассказать россиянам, и в первую очередь потомкам некогда депортированных, истинную (а не мотивированную некими обстоятельствами) причину тех крайне бедственных «приключений».

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Чуфут-Кале

Число Тавриды: 175

Сергей Александров

Крым — один из самых многонациональных регионов России. Об этом говорят и данные итогов переписи населения, проходившей в новом федеральном округе страны с 14 по 25 октября 2014 года. «Свой» рассказывает о представителях редких народов, живущих на полуострове.

Всех посчитали

Как говорят сотрудники Института этнологии и антропологии РАН, перепись населения — единственный полноценный источник сведений о национальном составе жителей страны. Эти данные важны не только с научной точки зрения. Они имеют и практическое значение, учитываются, к примеру, при формировании школьной программы, составлении учебников, подготовке педагогов.

— В Крыму представлены 175 национальностей. То есть этнокультурная палитра страны за последние два года стала заметно богаче, интереснее, — считает Владимир Зорин, доктор политических наук, замдиректора Института этнологии и антропологии РАН.

Самая многочисленная национальная группа на полуострове — русские, 68%. Вторая по численности — украинцы, 15,7%. Третья — крымские татары, 10,6%. Из представителей иных народов наиболее многочисленны татары, белорусы и армяне. При переписи населения были получены сведения и о родных языках: 84% назвали таковым русский, 7,8% —

крымско-татарский, 3,3% — украинский. Численность граждан Российской Федерации в Крыму — 2,3 млн человек.

— Национальное многообразие иногда рассматривают не как нашу силу, а пытаются увидеть в ней некую слабость, используют порой для спекуляций крымско-татарский фактор. Результаты переписи — хороший ответ злопыхателям: ее данные свидетельствуют о том, что все разговоры об оттоке крымских татар из Крыма не соответствуют действительности, — уверяет Руслан Бальбек, заместитель председателя Совета министров Республики Крым.

Обитают здесь и самые малочисленные народы. Для нас, российских граждан, этот факт важен особо, ибо с возвращением законных прав на крымские земли мы вернули себе и некоторые почетные обязанности, в том числе — сохранение их уникального этноисторического богатства.

Вдобавок у многих россиян появилась возможность не только насладиться отдыхом у Черного моря, с интересом провести время в туристических поездках и походах, но и приобщиться — уже в новом качестве — к традиционным укладам и ценностям недавно обретенных соотечественников.

Крымская Фракия

Увлекательное путешествие — своего рода самодеятельную «этнографическую экспедицию» — лучше всего начать с мест компактного проживания греков-фракиотов. И по причине того, что 2016-й объявлен у нас, ни много ни мало, Годом Греции (а значит, велик шанс вдруг очутиться на каком-то из праздничных мероприятий). И из соображений логистики: основная крымская автотрасса — от Керчи до Симферополя — неизбежно приведет вас в село Чернополье Белогорского района. Окажетесь там, где почти полтора столетия

назад обосновались выходцы из северо-восточной Фракии. Сюда они переехали в свое время из Старого Крыма, а впервые на крымскую землю ступили в 1830 году, прибыв на русском паруснике в феодосийский порт.

Это были греки, которым из высокогорного балканского селения Корфо-Колимбо помог эмигрировать сам Иван Дибич-Забалканский (о нем «Свой» рассказывал в декабрьском номере 2015-го). Несколькими месяцами ранее очередную войну России с Турцией подтолжил Адрианопольский мир, увы, не принеший фракийцам свободы от османского ига. Они обратились к русскому монарху с просьбой о разрешении поселиться в Крыму.

Таковая была удовлетворена, более того — грекам позволили выбрать для проживания любое место на полуострове.

Они же предпочли не «курортное побережье», а степной район, где можно было заниматься культивированием зерновых и табака, овощей и фруктов. Постепенно продвигаясь всей общиной на запад, в сторону Симферополя, греки за сорок без малого лет достигли села Карачоль Карасубазарского уезда. В этих местах обнаружили безымянный (впоследствии освященный в честь равноапостольных царей Константина и Елены) источник чистой воды, чрезвычайно целебной. Купили примерно полторы тысячи десятин земли. Построили

Греческие колонны Херсонеса

ФОТО: РИА НОВОСТИ

дома, церковь. Разбили сады и огороды, участки для выращивания хлеба. И обосновались здесь навсегда.

Впрочем, это самое «навсегда» могло трагически прерваться. В 1944 году их вместе с другими малыми народами ожидала поголовная высылка. Депортировали на Урал. Греки до сих пор недоумевают: веских причин для их «перемещения» у советского правительства как будто не было, на активное сотрудничество с нацистами они в годы оккупации не шли.

Как бы то ни было, в 1968-м началось возвращение фракийцев на крымскую родину. Это был очень долгий и трудный процесс, но греки-фракиоты невероятно стойко преодолели все невзгоды на этом пути. И сегодня они представляют собой не просто коренных жителей Чернополя, бывшего Карачоля — а равно других городов и весей полуострова, — но, по сути, одну из главных этнокультурных достопримечательностей Крыма. Их уникальность состоит прежде всего в том, что спустя почти два века после эмиграции в Россию (плюс в течение четырех столетий пребывания под тяжелым басурманским игмом) они сумели сохранить и красивую самобытную культуру восточной Фракии, и родной язык, и веру предков.

В Чернополе сегодня действует их храм — святых Константина и Елены, работает этнографический дом-музей, выступает фольклорный ансамбль «Карачоль», несколько лет назад участвовавший в фестивале фракийской песни в Афинах. Сюда нередко навещаются политики, общественные деятели, священнослужители и просто туристы из Греции.

Кто такие крымчаки

Следующим (а может, и предыдущим) пунктом нашего «этнографического» маршрута могло бы стать местечко, где совместно проживали бы крымчаки. Но, к

сожалению, таких населенных пунктов на карте нет. Представителей этого народа и до Великой Отечественной войны в Крыму насчитывалось немного — порядка 6000 человек. А в годы гитлеровской оккупации, согласно некоторым данным, примерно 80% крымчаков были уничтожены. В наши дни их осталось на полуострове немногим более двухсот. Понятно, что при таком количестве о каких-либо районах компактного проживания не может быть и речи. Поэтому за интересующей нас информацией относительно коренной во всех смыслах (хотя бы только по названию) народности есть резон обратиться к руководителю Крымского культурно-просветительского общества крымчаков Доре Пирковой.

Эта организация располагается в Симферополе, где находится и соответствующий историко-этнографический музей. Дора Товьевна с удовольствием опишет вам его экспонаты, расскажет об истории, заслугах и других примечательных особенностях родной ей этнической общности. Например, о том, что всем известную «Сказку о царе Салтане» Пушкин, скорее всего, написал, вдохновившись похожим по мотиву крымчацким сказанием «Падишах, его сын и Красивейшая в мире».

Глава национального объединения наверняка сообщит вам, что ее племени принадлежат такие отнюдь не второстепенные в русской литературе поэты, как Илья Сельвинский и Римма Казакова. Что род у крымчаков, как и у всех иудеев, ведется по материнской линии, а уклад в семьях еще не так давно был строго патриархальным. Один из обычаев, например, предписывал молодоженам в день свадьбы идти на кладбище и заказывать себе соседние места для будущих могил.

Небезынтересно послушать и о том, как крымчаки празднуют Пурим, Йом Кипур (напоминает православное Прощеное воскресенье — все просят прощения у Господа и друг у друга), праздник Торы.

Древнее караимское кладбище близ горы Тепе-Кермен

ФОТО: РИА НОВОСТИ

У этого народа можно многому поучиться, скажем, в области кулинарии. Приготовленные по традиционным крымчакским рецептам пироги пастели, чебуреки, каших-кулах (что-то вроде пельменей), кукуруза и многие другие блюда пришлись бы по вкусу многим любителям хорошо поесть.

Казалось бы, не пристало говорить о людях в том духе, что их пора занести в некую особую Красную книгу и стараться всеми силами сберечь от окончательного исчезновения, однако в ситуации с крымчаками иную аналогию подобрать слишком сложно. И таки да, надо бы обязательно их сохранить.

Встретимся в Чуфут-Кале

В поисках этнографической специфики, связанной с другим коренным народом Крыма — караимами — есть смысл поначалу проследовать из столицы полуострова на запад, а точнее, в курортную Евпаторию. Здесь расположен их главный религиозный очаг — храмовый комплекс, состоящий из Большой и Малой кенасс. В Симферополе таковую восстановили в ее изначальном качестве (вернули верующим) всего лишь полтора года назад. Поэтому говорить о том, что административный центр полуострова постепенно становится духовным центром этого народа, явно преждевременно.

Кенасса, кстати говоря, отличается от синагоги примерно так же, как вера караимов — от ортодоксального иудаизма. Они чтут священные тексты еврейского проповедника Анана бен Давида и не признают (здесь, наверное, уместно было бы выразиться «следовательно, не признают») предписаний Талмуда.

Это очень существенное различие, не только приводящее к спору о том, кем считать караимов — иудеями или... исключительно

Караимы

Крымчаки

Караимы

караимами, — но и формирующее (а точнее, наверное, все-таки формирувавшее) их национальный менталитет.

Караимов, согласно последней переписи населения, осталось в Крыму чуть более пятисот. Об их богатой истории сегодня в основном рассказывают древние развалины и тысячи старых надгробий. Особенно много последних сохранилось в «родовом гнезде» караимов Чуфут-Кале. Кстати, именно в этом месте, расположенном ныне в Бахчисарайском районе, еще в 1731 году была построена первая крымская типография.

И именно сюда съезжаются ежегодно со всего света караимские парни и девушки в свой ставший уже традиционным молодежный лагерь.

Чего ради собираются? Для создания новых дружеских компаний и даже семей «по этническому признаку»? Дабы поискать под развалинами клады, оставленные предками? Из бескорыстной любви к отеческим гробам? Наверное, в разных пропорциях тут есть и то, и другое, и третье.

Мы же пожелаем им найти в Крыму свое самое большое в жизни счастье.

8 мая 1945 года. Карлсхорст. Фельдмаршал Кейтель подписывает Акт о безоговорочной капитуляции. Рядом — А. Коротков

Служу России

Шесть «Знамен» разведчика Короткова

Владимир Перекрест

Обычно нелегалы столь высокого уровня становятся известны в лицо лишь спустя годы после смерти. Но фото нашего героя облетело весь мир. Это ведь он, 35-летний Александр Коротков, стоит за спиной фельдмаршала Кейтеля на знаменитом снимке, запечатлевшем, как немецкий военачальник в присутствии маршала Жукова и представителей войск союзников подписывает Акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Лифт в разведку

«Если Кейтель выкинет какой-нибудь номер или откажется ставить свою подпись, ответишь головой», — напутствовал одного из своих лучших разведчиков заместитель наркома госбезопасности Иван Серов. Александру Короткову была поставлена задача обеспечить доставку немецкой делегации из Берлина в пригород Карлсхорст, где 8 мая 1945 года и была подписана капитуляция. Все прошло без неожиданностей. Разве что сам Коротков не удержался от жесткой иронии. Кейтелю и сопровождавшим его немецким офицерам он представился как обер-квартирмейстер маршала Жукова. Те безучастно кивнули. Если бы кто-нибудь из них знал, что еще в петровские времена в обязанности генерал-квартирмейстера русской армии входило помимо прочего и руководство разведкой, то они наверняка бы восприняли эту информацию. Ведь за этим человеком, державшим в руках нити антифашистской агентуры, гестапо охотилось всю войну.

На секретную службу Александр Коротков попал случайно и, скорее, вопреки обстоятельствам. Считается, например, что разведчик не должен выделяться из толпы. Не про него сказано. Рост метр восемьдесят пять (из-за этого и получил оперативный псевдоним «Длинный»), видный, спортивный, лицо благородное, запоминающееся — хоть в кино снимай. Происхождение тоже «подкачало»: отец — еще с дореволюционных времен крупный банковский работник. Да, с матерью они расстались еще до рождения Александра, но старший брат Павел воспитывался у родственников отца, виделся с ним, а ребята поддерживали очень тесные отношения. Так что влияние «чуждого элемента», пусть косвенное, вполне могло иметь место. Да еще и не комсомолец. Чем не информация к размышлению для вдумчивого кадровика?

Но все эти анкетные «минусы» перевесила теннисная ракетка. Александр увлекался спортом, вместе с братом играл в футбол на первом стадионе «Динамо» — утоптанной площадке в Орлово-Давыдовском переулке. Павел преуспел — стал многократным чемпионом СССР по футболу и хоккею с мячом, заслуженным мастером спорта. До поры до времени гонял мяч и Александр, но потом парня потянуло в спорт не для всех — в лаун-теннис, как его тогда называли. Тем более, отец приятеля работал сторожем на динамовском корте на Петровке, так что вход бесплатный, ракетки — тоже.

И если в футбол рубились в основном милицейские оперативники и пожарные, то на теннисе иная публика: начальство с Лубянки. Когда кому-то не находилось партнера, к сетке выходил Александр или его приятель. Несколько раз Короткову даже выпало «спарринговать» с самим Генрихом Ягодой. Нередко его визави бывал и Вениамин Герсон, бывший секретарь Дзержинского, а еще — страстный

А. Коротков

болельщик и один из организаторов общества «Динамо». Парень ему приглянулся. А когда узнал, что у того за плечами техникум и в кармане диплом электромонтера, предложил работу на Лубянке. Механиком по лифтам. Зарплата приличная. И главное, Коротков в этом случае сможет официально выступать за ведомственное спортивное общество.

Но служебный лифт, едва задержавшись на стадионе, поднялся к комсомольской работе, а потом еще выше — не просто в разведку, а в самый престижный иностранный отдел. Началась подготовка в нелегалы. Немецким с новичком

занимался гамбургский докер-коммунист. Первым делом он выучил парня многоэтажному портовому мату — впоследствии очень пригодилось. А французский Александр штудировал под модные парижские песенки с очаровательной Марией Вильковьской, дочерью крупного советского торгпреда, юные годы проведенной за границей.

Занятия шли настолько успешно, что молодые люди вскоре пожелали.

1933 год — первая зарубежная командировка.

Советское руководство интересовалось техническими возможностями Германии. Чтобы обосновать интерес к этому вопросу, разведчику придумали легенду: поступить в Парижский радиотехнический институт. Первый блин вышел комом. Александр попытался завербовать молодого сотрудника французского генштаба, но неудачно: тот раскусил причины интереса к своей персоне. Пришлось срочно возвращаться в Москву.

«Литерное» дело

Вот уже несколько лет чекисты гонялись за своим бывшим кол-

Парад нацистов в Бюккебурге. 1934

легой Георгием Агабековым. Тот, знавший несколько языков, курировавший Персию, Афганистан и Египет, влекую вербовавший как местных жителей, так и осевших в регионе эмигрантов-белогвардейцев, супермен, красавец и гордость Лубянки вдруг влюбился в 20-летнюю англичанку и переметнулся на Запад. Издал там книгу «ОГПУ: русский секретный террор». В результате арестовано более 400 человек, связанных с советскими спецслужбами, четверых приговорили к смертной казни. Агентурная сеть во многих странах разгромлена. Такое не прощают.

«Литерное дело» (так назывались подобные операции) поручили Короткову. Разыграли как по нотам. Агент-армянин, соотечественник перебежчика, попросил его сбыть партию бриллиантов. Пришли в номер парижской гостиницы за товаром к турку-перекупщику. И тот, работавший на советскую разведку, вонзает нож меж ребер Агабекова. Рядом стоял Коротков, готовый при необходимости добить предателя...

Вскоре он получил еще одно «литерное» задание — обеспечить ликвидацию секретаря Троцкого Рудольфа Клемента, который также находился в Париже. Но если эпизод с Агабековым был из разряда «на войне как на войне», то история с вполне безобидным Клементом носила совсем другой характер. И, как полагает ветеран разведки Георгий Санников, после войны работавший под началом Короткова, этот случай не прошел для его шефа бесследно — на сердце осталась глубокая рана...

В конце 1938-го его отозвали в Москву. Вручили первый орден Красного Знамени. Всего же за свою карьеру он получит шесть таких орденов (в то время ни у кого не было больше), не считая других высоких наград, в том числе и зарубежных. Но это будет позже.

Басмачи ушли к фашистам

Над Европой уже витал запах предстоящей войны. Требовалось восстановить разрушенные после ежовских чисток связи с германской агентурой. Ранее Короткову удалось встретиться с Вилли Леманом — высокопоставленным офицером СС, работавшим на советскую разведку. Теперь следовало заняться организацией контактов с действующими и созданием новых антифашистских групп, позже известных как «Красная капелла».

Особенно высоко командование оценило проведенную им операцию по доставке подпольщикам

Александру Короткову была поставлена задача обеспечить доставку немецкой делегации из Берлина в пригород Карлсхорст, где 8 мая 1945 года и была подписана капитуляция

денег, инструкций и радиостанций. Причем самыми отчаянными по смелости и изобретательности стали встречи с агентами 22 и 24 июня 1941 года, когда войска СС уже блокировали советское посольство в Берлине. Провернуть это удалось благодаря приятельским отношениям, которые по совету Короткова заранее завязал советский дипломат Валентин Бережков с немецким начальником охраны здания посольства. Они часто обедали вместе, Бережков ссужал офицера деньгами. Как только Гитлер напал на СССР и выход в город сотрудникам посольства был закрыт, Бережков рассказал «приятелю», что один из дипломатов закутил в городе роман — не выпустит ли

господин офицер на прощальное свидание? В результате Короткову удалось снабдить агентов всем необходимым.

Через Болгарию и Турцию сотрудники посольства вернулись в Москву. Короткова назначают начальником германского отдела внешней разведки. Он готовит агентов для работы в тылу врага. Пытается наладить сотрудничество с союзной Англией: с ее территории в контролируемые фашистами районы было заброшено двадцать советских разведчиков, но никто из них на связь не вышел. Трудно было отделаться от мысли, что их кто-то выдал.

Тем временем немецкая контрразведка вышла на след антифашистского подполья и в течение 1942 года практически полностью его уничтожила. Были казнены десятки человек, в том числе и Леман. Поток информации резко сократился. Чтобы хоть как-то его восполнить, Коротков не раз выезжал на фронт и, переодевшись офицером вермахта, внедрялся в среду только что захваченных или сдавшихся немцев.

Наступил 1943-й. Разгром фашистов под Сталинградом, контрнаступление по всем фронтам. Однако немцы заготовили операцию, которая могла существенно повлиять на ход войны. В нейтральном Афганистане началась подготовка вооруженного переворота, чтобы затем войти в войну на стороне Гитлера. Планировалось собрать и вооружить 30-тысячную армию басмачей, которая пройдет рейдом по союзным республикам Средней Азии. Однако благодаря на этот раз слаженным действиям советской и британской разведок фашистскую агентуру удалось выявить. Тех, кто был на территории СССР, ликвидировали, а сведения о находящихся в Афганистане немецких агентах передали правительству этой страны. В итоге замысел был сорван. С нашей стороны операцией руководил Александр Коротков. А в конце

того же года ему поручили обеспечить безопасность «большой тройки» в Тегеране. Иран, находившийся под контролем стран антигитлеровской коалиции, зачистили от подозрительных лиц, причем Коротков лично узнал в лицо одного из агентов абвера, знакомого ему еще по Германии...

Берет-оберет

Как ни странно, самое опасное задание выпало не в годы войны, а значительно позже. 4 ноября 1956 года в столицу Венгрии вошли советские танки. В обстановке строжайшей секретности в город прибыла группа высокопоставленных сотрудников разведки во главе с председателем КГБ Иваном Серовым. Его правая рука — Александр Коротков — к тому времени тоже генерал. Для конспирации они были одеты в армейские шинели с полковничьими погонами. Задача: выявить и нейтрализовать руководителей мятежа. В курс обстановки их вводили посол в Венгрии Юрий Андропов и его помощник, будущий председатель КГБ Владимир Крючков. Стрельба на улицах велась так плотно, что порой передвигаться можно было только на бронетранспортере. Об одной такой вылазке автору рассказал ветеран разведки Георгий Санников, работавший под началом Короткова.

— Серов сидел рядом с водителем. А Коротков — на броне. С верхнего этажа какого-то здания по ним открыли огонь — позже выяснилось, что это подростки стреляли из ручного пулемета Дегтярева. Одна пуля через смотровую щель попала в голову водителю — мозг вылетел прямо на Серова. Генерал взял управление и вывел машину из-под огня. А Коротков обнаружил в своей шинели 12 пулевых отверстий. Сам же не получил ни царапины. Не иначе талисман спас: взятый в последний момент перед отъездом берет жены, он лежал в кармане простреленной шинели.

Будапешт. 1956

Группа получила задание нейтрализовать премьер-министра Имре Надя, «венгерского Горбачева», который фактически стал знаменем восстания. Вместе с несколькими сторонниками тот укрылся в здании посольства Югославии и вел переговоры о том, чтобы ему дали возможность уехать к Тито.

Надя удалось хитростью выманить на улицу, затем силой усадить в машину (за эту часть отвечал Коротков) и вывезти в Румынию: как говорят, в багажнике авто, пользовавшегося дипломатической неприкосновенностью.

Вернувшись, разведчик снова занялся «родным» германским направлением — был уполномоченным аппарата КГБ в ГДР. Руководство этой страны настолько высоко ценило заслуги Короткова в становлении своего государства, что внесло его, единственного иностранца, имя в эксклюзивное подарочное издание о республике, выпущенное к одному из юбилеев. При его участии создавалась и знаменитая Штази. С министром госбезопасности Эрихом Мильке он был настолько близок, что мог обратиться с любой просьбой.

— Однажды в Западном Берлине американцы, оповещенные предателем, взяли четверых наших сотрудников, — рассказывает Санников. — Коротков, как узнал, даже не

стал информировать Москву — тут же позвонил Мильке. Спрашивает: «Не можешь ли арестовать четверых американцев?» На что тот ответил: «Почему только четверых? Мы арестуем всех, кто есть на нашей территории. Не уходи от телефона...» Через час Мильке сообщил: задержано 42 американца. Обменяли «всех на всех».

Нелепой и несправедливой кажется смерть разведчика. У него не сложились отношения с партийным выдвиженцем Александром Шелепиным, по настоянию Хрущева возглавившим КГБ в декабре 1958-го. Говорят, «железный Шурик», как за глаза называли его чекисты, ревновал к авторитету своего заместителя, постоянно подвергал сомнению его действия, не обращал внимания на рекомендации. Накануне одной из встреч в ожидании мрачных предчувствий сильно болело сердце. Но схватка с начальством не состоялась, и Коротков на радостях пошел поиграть в теннис со своим давним напарником Иваном Серовым. Завершить партию не удалось — разрыв аорты.

Рассказывают, что Шелепин на похороны не пришел, а прилетевший из Берлина Мильке сказал по этому поводу все, что думал, на русском устном. Это было в конце июня 1961 года, а в ноябре «железный Шурик» покинул Лубянку.

Хранить вечно

СЛЫШИМ МЫ ГОЛОС РОДНОЙ

Денис Бочаров

«О походах наших, о боях с врагами долго будут люди песни распевать...», «Майскими короткими ночами, отгремев, закончились бои», «Строчит пулеметчик за синий платочек, что был на плечах дорогих...» 24 марта исполнится 110 лет со дня рождения Клавдии Шульженко, артистки, вдохнувшей в эти известные каждому строчки вечную жизнь.

СУЩЕСТВУЕТ стереотип, согласно которому для того, чтобы пробиться на большую сцену, женщине необходимо обладать либо неотразимой внешностью, либо феноменальными голосовыми данными. А еще лучше совмещать и то, и другое, как говорится, «в одном флаконе». Шульженко, по большому счету, не могла похвастать ни первым, ни вторым, но это не помешало ей стать прямой советской эстрады, любимицей не одного поколения соотечественников.

Она родилась в Харькове в семье бухгалтера. Несмотря на столь прозаическую профессию, отец будущей знаменитости был неравнодушен к музыке. Клавдия Ивановна вспоминала: «Первое художественное впечатление связано с отцом. От него я впервые услышала украинские народные песни. Он приобщил меня к пению. Отец серьезно увлекался музыкой: играл на духовом инструменте в любительском оркестре, а иногда и пел соло в концертах. Его выступления, его красивый грудной баритон приводили меня в неописуемый восторг... Тем не менее ничто не предвещало моей песенной судьбы».

В отроческие годы Шульженко хотела стать актрисой, а не певицей. Обладательнице идеального слуха и поставленного от природы голоса (пусть и не самого сильного) казалось, что пение — дело нехитрое. А вот хорошо сыграть способен далеко не каждый. Не исключено, что именно этот, основанный на девичьем максимализме подход предопределил творческое кредо Шульженко: именно она явилась первой — и поныне непревзойденной — «играющей певицей» (не путать с поющей актрисой) в истории СССР. Но таковой ей еще предстояло стать...

А пока шестнадцатилетняя девочка пришла на показ в Харьковский театр драмы, где исполнила любимую песню отца «Розпрятай-

те, хлопці, коней». Аккомпанировал начинающей артистке мало кому известный тогда композитор Исаак Дунаевский, заведовавший в театре музыкальной частью. Шульженко стали предлагать небольшие роли (в частности, она играла в местных постановках «Периколы», «Детей Ванюшина», в спектакле «Казнь»), но все это имело мало общего со всенародной славой, о которой мечтала Клавдия. И постепенно она стала осознавать, что, пожалуй, все-таки именно в вокальной деятельности состоит ее истинное призвание. А тут еще судьба предоставила подходящий случай.

В 1924 году на гастроли в Харьков приехала известная оперная певица Лидия Липковская. Побывав на концерте, Шульженко была

потрясена до глубины души. Набравшись смелости, отправилась в гостиницу к Липковской, где представила на ее суд несколько песен. Прославленная вокалистка стала первым человеком, отметившим незаурядный лирический дар Шульженко. Именно его и посоветовала развивать юной артистке.

Та вняла напутствию и на протяжении нескольких лет активно занималась составлением собственной программы, пополняла репертуар, сотрудничая с поэтом Павлом Германом, композиторами Валентином Кручининым и Юлием Мейтусом, постоянно оттачивала вокально-артистическое мастерство на различных выступлениях. К концу 20-х Шульженко подошла уже довольно известной исполнительницей, что позволило

«Синий платочек». Кадр из документального фильма «Концерт фронту». 1942

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ей в 1928-м отправиться с концертами в Ленинград. Поездка имела большой успех: певице предложили стать участницей местного мюзик-холла в представлениях «Аттракционы в действии». Именно с этой программой Клавдия Ивановна в следующем году впервые посетила Москву.

Примерно тогда же произошли серьезные изменения и в личной жизни: в 1930-м она вышла замуж за эстрадного артиста Владимира Коралли, а вскоре у них родился сын.

В творческом отношении тридцатые были неоднозначным периодом для Шульженко. С одной стороны, именно в это время появились песни, которые стали по-настоящему широко известными («Челита», «Простая девчонка», «О любви не говори»), артистка сделала первые профессиональные граммофонные записи, внушительными тиражами выпускались пластинки. С другой — ее частенько упрекали в показной лиричности, поругивали за избыток чувствительности и «мелодекламационную манеру». Но меняться Шульженко (даже если бы она того и захотела) было уже поздно. Тем более, что никакие выпады и подковырки критиков не помешали ей стать лауреатом Первого Всесоюзного конкурса артистов эстрады, проходившего осенью 1939 года.

Однако подлинная слава (если подобный термин в суровых военных реалиях сколь-нибудь уместен применительно к артисту) обрушилась на Шульженко во время Великой Отечественной. Вступив в ряды действующей армии, Клавдия Ивановна стала солисткой Ленинградского фронтового джаз-оркестра. Для защитников охваченного блокадой города в самый трудный, первый год окружения коллектив дал более пятисот концертов. Приходилось выступать в окопах и под бомбами, жизнь певицы не раз подвергалась опасности. Позднее она вспоминала: «Мы вы-

ступали на аэродромах, на железнодорожных платформах, в госпиталях, в цехах заводов, в сараях и палатках, на льду, припорошенном снегом, на Дороге жизни. Концерты часто прерывались вражескими атаками. Наш автобус был изрешечен пулями и осколками. К месту, где предстояло выступить, мы порой пробирались под обстрелом, перебежками. Двое музыкантов наших умерли от голода. Дело было в блокадном Ленинграде — что уж тут подробно рассказывать. Не пристало жаловаться тем, кто все-таки выжил».

В августе 42-го ансамбль был вывезен в Москву, но выступления

на фронте продолжались до конца войны. Наряду с довоенным репертуаром Шульженко исполняет песни, без которых впоследствии не обходилось ни одно ее выступление. Речь, разумеется, о знаменитых «Давай закурим» и «Синем платочке». Последняя, кстати, была уже довольно известной композицией — мелодию написал польский композитор Ежи Петербургский еще до начала Великой Отечественной. Но в том, что эта вещь стала одной из главных тем военного времени, велика заслуга Клавдии Ивановны. Именно она, узнав, что сотрудник газеты 54-й армии Волховского фронта лейтенант Миха-

ил Максимов (с ним Шульженко встретила на Ладожском озере, где выступала с очередным концертом) пишет стихи, высказала пожелание: «Песня популярна в народе, у нее приятная мелодия. Но нужны слова, которые бы отражали нашу великую битву с фашизмом».

После войны (к окончанию которой, кстати, Клавдия Ивановна подошла, будучи награжденной орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945») она фактически воцарилась на сцене. С тематическими сольными программами «Песни прошлых лет», «Песни о любви», «Вечера песни Клавдии Шульженко» выступала в лучших столичных залах, постоянно гастролировала по стране. Свободных мест на концертах вчерашней «простой девчонки», а теперь умудренной жизнью, познавшей ей цену женщины, как правило, не было.

Знаковым стал 1954 год, отмеченный выпуском первой долгоиграющей пластинки, съемками в кинофильме «Веселые звезды», а также расставанием с Владимиром Коралли, с которым Клавдия Ивановна прожила двадцать пять лет. Через пару лет она познакомилась с известным кинооператором Георгием Епифановым и вскоре вышла за него замуж. Впрочем, этот брак тоже не был идеальным — супруги то расставались, то вновь сходились. Мужчинам всегда было

Мужчинам всегда было непросто с этой очаровательной, элегантной, но весьма эгоцентричной, привыкшей быть в центре внимания дамой

непросто с этой очаровательной, элегантной, но весьма эгоцентричной, привыкшей быть в центре внимания дамой.

Шульженко активно гастролировала на протяжении еще двух десятилетий, однако после триумфального юбилейного концерта в 1976 году в Колонном зале Дома союзов (в рамках которого артистка исполнила двадцать песен в сопровождении попеременно эстрадно-симфонического оркестра, инструментального ансамбля и фортепиано) прекратила сольную деятельность. Лишь иногда принимала участие в сборных концертах, а также делала новые записи на фирме «Мелодия».

В последние годы жизни она сильно болела — ни о каких выступлениях (даже фрагментарных) и работе в студии речи уже идти не могло. Лишь изредка, когда еще была в состоянии, садилась за рояль: он хотя бы на некоторое время помогал забыть о невзгодах.

«Я стала эпохой в нашей культуре», — однажды, окидывая взглядом пройденный творческий путь, без ложной скромности заявила певица. Ее собеседника, знавшего, что от заниженной самооценки Шульженко никогда не страдала, тем не менее подобная безапелляционность несколько покорила. Он осторожно заметил: мол, это народу решать. «Народ может и забыть», — последовал ответ. Сегодня мы знаем: Клавдия Ивановна сомневалась напрасно.

Стоп-кадр

«Марья-искусница», 1960

Мир, который построил Роу

Алексей Коленский

8 марта исполнится 110 лет со дня рождения великого русского-советского сказочника Александра Роу.

БУДУЩИЙ кумир детворы родился на Волге, в городе Юрьевец. Вскоре семья (мама — обрусевшая гречанка, папа — командированный ирландский инженер, наладчик мукомольного оборудования) переехала в Сергиев Посад. Грянувшая Первая мировая сломала кое-как налаженный быт. Родитель вернулся в Англию и пропал из вида, мать захворала. Чтобы прокормить семью, мальчик переквалифицировался из алтарников в лоточники. Зарабатывал копейки на торговле кустарными спичками и гребешками. Уже при новом режиме окончил семилетку, поступил в московский промышленно-экономический техникум.

С панталыку Сашу сбила «Синяя блуза» — пролетарско-журналистский агиттеатр. В 1923-м эта «живая газета» Московского института журналистики широко зашагала по улицам российских городов. На самодельных подмостках, в гуще фабричных масс и уличных толп звучали бодрые речовки, воздвигались телесные пирамиды, разыгрывались злободневные миниатюры. Юные авангардисты-затейники стали рупором советских идей, самодеятельными творцами нового мира, импровизаторами-алхимиками повседневной городской жизни. Промаршировав плечом к плечу с Владимиром Маяковским, Сергеем Юткевичем, Василием Лебедевым-Кумачом, Роу свернул в школу-студию киноактеров Бориса Чайковского. Затем поступил в Драмтехникум имени Ермоловой. В кино дебютировал как ассистент Якова Протазанова и в 1937-м был зачислен на открывшийся годом ранее «Союздетфильм».

К русскому народному творчеству новая власть вплоть до конца тридцатых относилась более чем прохладно. Крах начетчиков-рапповцев, поднятая на щит оборонная тематика продиктовали, однако, поворот к истокам, а удивительные кукольные мультфильмы, снятые под руководством Александра Птушко, убеждали: старую добрую сказку можно сделать незабываемой былью. Творческие достижения коллеги-новатора вдохновили товарища Роу и партийных чиновников, давших добро на экранизацию «По щучьему велению».

Александр Артурович дополнил сюжетную линию «Царевной Несмеяной» и «Плясовой гармонью», перенес основное действие из царских палат на русское раздолье, закружил в хороводах дурака Емелю, красавицу Несмеяну и поющую щуку. Уловив демократический дух преданий старины глубокой, обаятельный дебютант покорила юную аудиторию и стал первым в мире киносказочником-народником.

А. Роу

дцати внутриутробных механиков-управленцев. В «Василисе» самородный талант нащупал свою волшебную тропинку, оригинальный образ вымышленного мира, эффектно раскрывшийся в былинном «Кашее Бессмертном». Гротескный тип сыграл роль главной «занозы» сказочного зазеркалья. Глупый, нелюдимый и порочный анахорет, мечтающий лишь об одном: чтобы его любили. Реализуя преступный замысел, чудовище похищает красавицу Марию Моревну, на поиски которой вскоре отправляется простодушный муж. Чем дальше топает этот богатырь по неведомым дорожкам, тем заметнее его приключения обретают эпический масштаб. Закалившись в борьбе с темными приспешниками сладострастника, Никита Кожемя-

А. Роу и Г. Милляр на съемках

Не теряя времени, Роу замахнулся на «Царевну-лягушку» и наколдовал «Василису Прекрасную». Здесь лирический талант режиссера раскрылся с эпической силой благодаря дебютировавшему в богатырском образе красавцу Сергею Столярову, а также Бабеяге Георгия Милляра и богатой партитуре Леонида Половинкина. Важную роль сыграли загорские кустари, изготовившие самоходного одиннадцатиметрового Змея Горыныча (высотой пять метров), разгулявшегося с помощью два-

ка вступает в поединок со злодеем и спасает супругу из томительного плена. Здесь триумф семейных ценностей был тем не менее далек от торжества добродушной морали — на полях борьбы добра со злом пышным цветом расцвела готический пафос.

9 мая 1945 года ликующий народ высыпал на улицы советских городов, закружился в вальсах под аккомпанемент громоподобных духовых оркестров и салютов. А музы тем временем не молчали — иссу-давший, но все такой же бессмерт-

«Варвара-краса, длинная коса». 1970

ный Кашей-Милляр в разрисованном костюми черном трико смотрелся вызывающе чуждым карнавальным элементом в декорациях Дня Победы.

«Работая над ролью Кашея, мы обратились к тевтонскому эпосу, сознательно пародируя «Нибелунгов», — признавался артист. — Аскетизм, неумолимость, озлобленность «рыцарей» Средневековья — все вобрал этот образ. Помните у Дюрера четырех апокалиптических всадников — это аллегорическое изображение разрушительных сил? Во внешнем рисунке роли я шел от этих мрачнейших фигур художника». Внешне при этом Милляр походил, скорее, на васнецовского Всадника апокалипсиса, имя которому — Смерть.

Роу разлучили со сказкой на десять долгих лет. Но и в эпоху малокартинья Емеля, Василиса и Кашей не сходили с экранов, разбирались на цитаты, колесили по свету, завоевывая сердца послевоенной детворы. В 55-м режиссеру доверили снимать приключенческие и комедийные ленты. «Тайну горного озера» и «Драгоценный подарок» он откровенно завалил. В 57-м попытался опять напроситься в гости к сказке, экранизировав «Новые похождения Кота в сапогах» Сергея

ФОТО: ИТАР-ТАСС/МИНОСТУДИЯ ИМ. ГОРЬКОГО

«Вечера на хуторе близ Диканьки» («Ночь перед Рождеством»). 1963

Михалкова, и снова разминулся с успехом. Случались и исключения: документально-постановочный авангардистский «Артек», стереофреска «Майская ночь, или Утопленница»...

К полнометровой жизни в искусстве Александра Артуровича вернули Евгений Шварц и Николай Гоголь: в 60-м на экраны вышла «Марья-искусница», а спустя три года «Вечера на хуторе близ Диканьки». В 63-м он подарил бессмертие повести Виталия Губарева «Королевство кривых зеркал», а затем снял свои главные шедевры: «Морозко», «Огонь, вода и... медные трубы», «Варвара-краса, длинная коса».

В чем же секрет вращения сказочной вселенной Роу? Прежде всего в проектном мышлении и здоровом архитектурном волюнтаризме. Выстраивая сказочный мир как пространство встреч архетипических, загадочных (даже для самих себя), не ведающих о добре и зле чудовищ с самоотверженными иконописными героями, он покорял стихии чистоте и самоотверженности последних. Стоило лишь вступить в диалог, и карта «архетипа» оказывалась бита — начиная с волшебной

«Королевство кривых зеркал». 1963

шукки: как же не разговориться, не поделиться сокровенным, вертясь в крепких руках красавца Емелюшки? И Баба-яга, не умеющая скрыть своих аппетитов, и Кашей с Водокрутом на голубом глазу выдавали все свои секреты. Просто потому, что Иванушки да Марьюшки приходились им по сердцу. Осознавая, что главное земное сокровище — чудо живого общения, богатыри, красавицы, чудовища оказывались в одной лодке. Не худо бы так же жить в обществе и быть свободным от самых жестких из его законов — не о том ли мечтали граждане советской страны, от пионера до комиссара, профессора и наркома?

Отважный синеблузник Роу высекал эту чаемую волюшку ракурсами и монтажными приемами, заимствуя их у Сергея Эйзенштейна и Фрица Ланга. При этом не заикливался на формальных вещах, а как неутомимый селекционер, от фильма к фильму собирал и культивировал уникальную актерскую оранжерею.

Подружившись с великаном Столяровым и вечнозеленым Милляром, Александр Артурович окультурил самоигральные натуры Анатолия Кубацкого и Веры Алтайской, собрал колдовской звездно-цветочный букет из Натальи Седых, Алексея Катышева, Виктора Перевалова. Умея ценить артистов, доверяя их интуиции, никогда ничего не показывая, Роу держал свой балаганчик в жесткой узде. Инна Чурикова вспоминала, как на трехдневных съемках эпизода «Морозко» запеченного поросенка облили вонючим бензином, а

«Огонь, вода и... медные трубы». 1968

ФОТО: РИА НОВОСТИ

вместо наливного яблочка Марфушке подсовывали луковицу. В остальном режиссер культивировал полную свободу. Любуясь артистами, умеющими сделать незабываемым каждый эпизод, он складывал истории из их блаженных и зверских гримас, освобождая замысловатый сюжет от бремени обыденности. А главным чудом в его сказках неизменно оставалась власть слова: «Обернись зима лютая летом красным!» — приказывал Емеля, и время сбивалось с круга. А лето вскоре вновь оборачивалось зимой, но при этом как будто не кончалось. Благословения у Роу сбывались неизменно, проклятия — никогда.

«Морозко». 1965

Ни о чем не грустим,

ДРУЖНО

ХВОРОСТОМ ХРУСТИМ

ФОТО: PHOTOPRESS

Максим Сырников

Масленичная неделя, которая включает в себя в этом году и Международный женский день, будет, конечно же, не скупой на всевозможные яства. На то она и Масленичная — с одной стороны, радостно-праздничная, с другой — предваряющая Великий пост. Казалось бы, главное угощение в эти дни — блины: гречневые, пшеничные, овсяные, сдобные — разные.

Но недаром последнюю неделю перед Великим постом называли еще и Сырной.

ПРО ПРАЗДНИЧНЫЙ стол в XVII веке писали: «А на масленицу подают к столу: хворосты, орехи разные, сласти, шишки, сыры губчатые, молоко вареное, сыры сметанные сухие...»

Сыры на Руси готовили издавна, сычужные и рассольные. Слово «сыр» в нашем языке — вовсе не синоним слова «творог», как в иных славянских. Творог — это творог, а сыр — это сыр.

Да и то, что в кулинарии по сей день называют «хворостом», подавали на стол с самых древних

времен. «Пряжили», как раньше говорили, то есть жарили в масле. Не всегда в форме хвороста: название, скорее, от хрусткости обжаренного теста. Рецепты в поваренных книгах XIX века предлагают подвергать жарке тонко раскатанные кружочки теста.

Вот как можно приготовить сдобный хворост. Способ этот не самый древний, а как раз из девятнадцатого столетия. Однако десерт получается вкусным и во всех отношениях правильным.

Сдобный хворост

Мука — 3 стакана

Молоко — 1/2 стакана

Масло сливочное — 50 г.

Желтки — 4 штуки

Коньяк или водка —

1 столовая ложка

Соль — 1/2 чайной ложки

Сахарная пудра — 1/2 стакана

Рафинированное масло для жарки — 500 г.

Из просеянной муки, молока, масла, желтков, соли и водки замесить густое тесто, дать ему отлежаться в течение 10–15 минут. Раскатать на доске сочень толщиной 1,5–2 мм и нарезать стаканом или специальной выемкой кружочки, еще раз раскатать. Жарят кружочки в кипящем масле до золотистого цвета. Готовый хворост выкладывают на блюдо и посыпают сахарной пудрой.

Свет

МАРТ 2016

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Вереки